

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

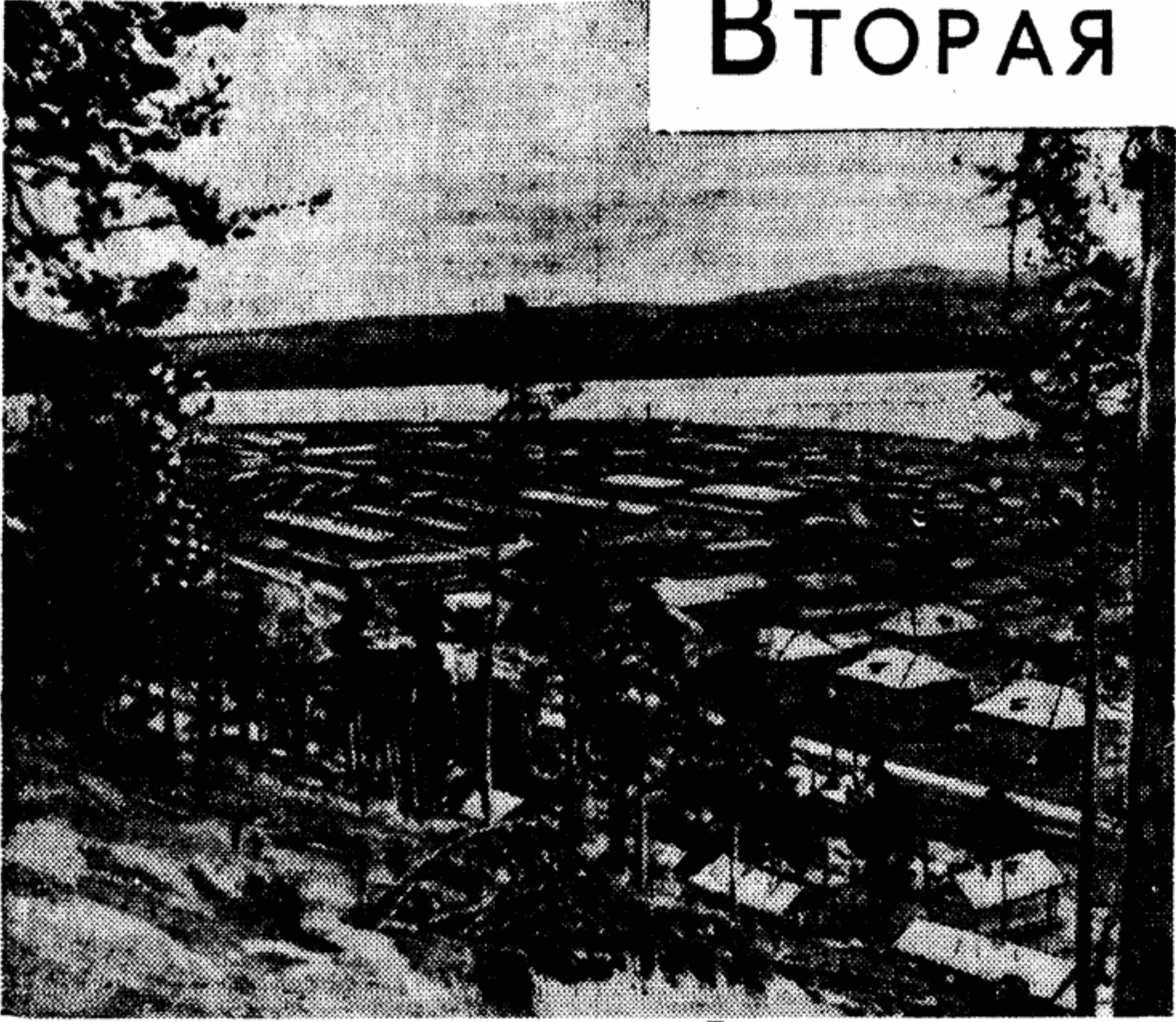
ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 33 (3689)

Суббота, 16 марта 1957 г.

Цена 40 коп.

Вторая Ангарская

Третью зиму работают на берегах Ангары строители Братской ГЭС. Сегодня их около пятнадцати тысяч — рабочих, инженеров, техников, служащих. Вскоре в разгар стройки, их будет в семь-восемь раз больше. Вот почему в первую очередь строятся здесь жилища. На нашем снимке изображен один из благоустроенных рабочих поселков — они имеются и на правом и на левом берегу реки. Строители получили уже 85 тысяч квадратных метров жилой площади; исчез знаменитый Зеленый городок, состоявший из палаток. В этих поселках к услугам их жителей — семь клубов, пять школ, четырнадцать столовых, пять библиотек, сорок пять магазинов и ларьков...

В эти мартовские дни, когда на Ангаре стоят еще трескучие морозы, под лед опускается уже второй десяток ряжей — огромных срубов из деревянных брусков, которые заполняются камнем и гравием. Они послужат основанием для временной перемычки, отгораживающей ту часть реки, где будет сооружена бетонная плотина. Лед сейчас на реке толщиной в два метра. Чтобы пробить в нем прорубь для каждого ряжа, потребовалось создать специальную ледорезную машину: электропилы и даже врубные машины, доставленные с угольных шахт, оказались непригодными.

Летом, когда перемычка будет готова, между ней и левым берегом останется небольшой проток шириной в триста метров. Сухунская ГЭС, расположенная в триста метров от плотины, сможет привести в действие многочисленные предприятия с четырьмя миллионами рабочих, способные давать на 80—100 миллиардов рублей продукции в год. «Если учесть существующие средние нормы расходов электроэнергии на душу населения в СССР», — говорит А. Гиндин, — то энергии Братской ГЭС хватило бы для нормального энергоснабжения территории с населением в 20—25 миллионов человек, то есть, например, всего центрального промышленного района нашей страны, включая Москву».

Фото Н. ПЕРКА

В ДНИ ФЕСТИВАЛЯ СОЗДАЕТСЯ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КЛУБ СТУДЕНТОВ

В дни Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве откроется Международный студенческий клуб. Он будет находиться в новом здании МГУ.

Такой клуб создается впервые в истории фестивалей. У него большое поле деятельности: международные семинары, вечера университетских традиций, встречи студентов одной специальности, карнавалы, дискуссии, концерты, показы студенческих фильмов, спортивные состязания, вечера представителей студенческой печати, вечера вопросов и ответов, встречи с писателями, актерами, деятелями науки...

с участием экспедиций на Северный полюс и в Антарктиду.

Любая делегация сможет организовать в залах клуба свою выставку. Здесь будет работать и консультационное бюро, которое поможет студенческим делегатам установить контакты с советскими специалистами в области науки, техники и культуры, получить необходимую информацию. В клубе будет весело: студенческие оркестры по очереди выступят в открытом кафе. Один из концертов готовит студент школы-студии МХАТа.

В программе клуба — вечера национально-культурной информации: египетской, американской, индийской, венгерской, советской, французской; вечера русского балета и многое, многое другое.

В совете клуба — около тридцати человек. Его председателем — Ирки Пелиан, президент Международного союза студентов, члены — советские студенты, представители землячества зарубежных студентов, которые учатся в Москве, стипендиаты Международного союза студентов. Совет разработал программу работы клуба, создал специальные комиссии, которые готовят семинары студентов. Темы этих семинаров и дискуссий разнообразны, они интересуют всех.

Почетные грамоты ГДР
СОТРУДНИКАМ ПЕРЕВОДЧИКАМ

В Центральном доме литераторов в Москве были вручены на днях почетные грамоты Министерства культуры Германской Демократической Республики советским писателям-переводчикам Гильде Ангаровой и Максимилиану Шинку. В грамотах выражается признательность министерства за успешные их труды по ознакомлению немецкого народа с русской и советской литературой.

Заместитель председателя правления Московского отделения Союза писателей О. Писаревский отметил заслуги награжденных переводчиков. М. Шинк еще в 1901 году перевел «Песню о Буревестнике», сделав ее достоянием немецких читателей. Ему же принадлежат переводы на немецкий язык многих стихотворений русских поэтов, романа А. Толстого «Хожение по мухам», произведений К. Паустовского, Л. Леснова, «Малыхитовых шкатулки» П. Бажова.

Гильда Ангарова является переводчицей романов К. Федина «Первые радости» и «Необыкновенное лето», романа М. Ауэзова «Абай». Сейчас она закончила перевод повести Тоголя «Тарас Бульба».

ВЕСНА!

Необычным было начало нынешнего года: теплый январь, неожиданные оттепели в феврале, злые ветры и морозы в марте. И все же зима отступает. В Москве еще свирепствовали мартовские метели, когда в Астрахани вышли на поля тракторы, а в Астрахани очистилось от льда изморозье Волги. На 18 дней раньше прошлого года началась здесь навигация. Первым встречей бакминским танкером выходит из Астрахани теплоход «Дзержинский» с нефтяной баржей «Леган». Теплоход заснят фотокорреспондентом А. Леонтьевым на рейде перед выходом в море.

Историзм и актуальность

Г. АБРАМОВИЧ,
В. КОЖИНОВ,
Я. ЭЛЬСБЕРГ

Слова «теория литературы» все еще довольно ассоциируются у нас с представлением об учебнике более или менее элементарного характера. В этом отражены современные состояние теоретической работы в области литературной науки.

Многочисленные, иногда весьма ценные, конкретно-исторические работы, появившиеся за последнее десятилетие, почти не содержат теоретических обобщений. Теория же литературы в недостаточной степени развивала традиция классических теоретических трудов, мало обобщая уже накопленный литературоведческим исторический материал. Это имело свои специфические причины: на некоторых из них мы сейчас остановимся.

В период начальной разработки проблем марксистско-ленинской теории литературы преимущественное внимание, естественно, обращалось на вопросы социальной природы художественной литературы, на ее отношение к действительности и на ее роль в борьбе классов. Требовалось разработать самые основы диалектико-материалистического, научного понимания литературы как формы общественного сознания. И здесь были достигнуты известные успехи. Но значительно меньшее внимание в этот период уделялось другим эстетическим проблемам, в частности вопросам художественной специфики, внутренних закономерностей литературного развития в их единстве с закономерностями общего характера.

Далеко не так быстро и успешно, как этого хотелось бы, шло и идет в нашей науке о литературе овладение сокровищами эстетической мысли классиков марксистско-ленинизма. Нужно учитывать, что специальные общие трудов по эстетике основоположники научного социализма, занятые разрешением других задач, не создали. Мы можем обращаться здесь лишь к отдельным статьям, письмам, выступлениям. Чтобы понять глубочайшие положения, заключенные в этих материалах, необходимо подходить к ним не начетнически, рассматривая изолированно одну от другой те или иные цитаты, а связывая их со всем марксистско-ленинским учением в целом. И сожаление, именно начетнический, цитатный подход сказывался в теоретико-литературных работах и тормозил развитие научной мысли.

К тому же за последние десятилетия в литературоведческих книгах и статьях не учитывался опыт мировой эстетической мысли. Забывалось ленинское указание о том, что развитие марксизма отнюдь не было сектантским, а шло по столбовой дорожке мировой науки.

Недооценка старого наследия особенно сильно сказалась в полном забвении классической немецкой философии и эстетики. Между тем следует помнить, что основоположники научного социализма, формулируя свои эстетические взгляды, развивали рациональные положения старой эстетики, и в первую очередь гегелевской эстетики, материалистически перерабатывая их.

Итак, что для полного понимания великого новаторства идей классиков марксизма-ленинизма, совершивших революционный переворот в философии и, в частности, в эстетике, необходимо отчетливо представлять себе, от чего отталкивались в своих теоретических суждениях Маркс и Энгельс, с чем соглашались, что перерабатывали. Без учета всего этого сколько-нибудь основательное суждение об эстетических положениях классиков марксизма, высказанных ими

вероятно, и этот опыт надо критически учесть.

Важно напомнить замечательные методологические положения о логике и В. И. Ленина, выдвинутого им в лекции «О государстве», прочитанной в 1919 году студентам Свердловского университета в Москве.

«Самое надежное в вопросе общественной науки, — говорил Ленин, — и необходимое для того, чтобы действительно преобладать над ошибками, правильно к этому вопросу и не дать затеряться в массе мелочей или громадном разнообразии буржуазных мнений, — самое важное, чтобы подойти к этому вопросу с точки зрения научной, это — не забывать основную историческую связь, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь».

Из этого и вытекает, что с историзмом теории литературы связано и другое необходимое для нее качество. Теория литературы на исторической основе должна быть проникнута духом современности и стремиться к предельному соответствию с живой практикой мировой художественной литературы, к тому, чтобы показать, «чем данная вещь стала теперь». Думается, что этим требованиям, этим методологическим принципам необходимо последовательно руководствоваться не только в изложении и истолковании тех или иных теоретических вопросов, но и в самом построении книги по теории литературы, в самом отборе и расположении материала.

А сейчас наши работы по теории литературы нередко представляют собой лирическое подлинно концепции переплетение современных художественных воззрений с «обломками» старых теорий. Так, в разделах о литературных жанрах часто словно забывается тот факт, что система жанров классицизма распалась уже полтора-два столетия назад и имеет главным образом историко-литературный интерес. Такие классические жанры, как «эпическая поэма», «ода», «дилемма» и т. п., нельзя рассматривать в одном ряду с жанрами современной литературы, а тем более прикладывать старые термины к позднейшим поэтическим видам.

Помимо прочего, некритическое усвоение жанровых теорий прошлого мешает пониманию современных жанров, которые обычно трактуются в слишком общей, а порой неясной и путаной форме. При изучении этих и других вопросов опыт новейшей мировой литературы (примерно последнего столетия) в ее историческом становлении должен определять собою принципы отбора анализируемого материала.

Быть может, особенно наглядно недостаточное внимание к современной художественной практике обнаруживается в ставшей уже традиционной трактовке вопросов стиха. Обобщенное, самолюбивее рассмотрение теории стиха вне исторических судеб последнего связано с очень старой традицией, идущей от той эпохи, когда почти вся литература была стихотворной.

С другой стороны, сами разделы о стихе чаще всего сводятся к перечислению всевозможных стихотворных размеров и строчеческих схем, не пронизанному общей теоретической идеей. Главное место в подобных обзорах занимают почти или совсем не употребляющиеся в настоящее время метры, а об основных современных типах стиха, о «тоническом» сти-

хе, связанных с фольклорной традицией и игравших ведущую роль в русской поэзии XIX века (а в немецкой — и в XIX в.), о «свободном» стихе говорится лишь в самой общей форме как о чем-то исключительном и аномальном. По-видимому, раздел о стихе должен сочетать историческое изучение с анализом современных стиховых форм.

Историзм той теории литературы, которую предстоит создать, позволит особенно наглядно выявить закономерности возникновения и развития новаторских особенностей современной прогрессивной литературы, литературы социалистического реализма.

Работа такого профиля будет также содействовать установлению более тесных и плодотворных взаимоотношений теории литературы и с эстетикой и с искусствоведением, в чем давно чувствуется потребность. Углубленное изучение вопросов теории литературы поможет освещению общих эстетических проблем и категорий. Вместе с тем и специфика литературы сможет быть всесторонне выяснена лишь в сопоставлении со специфическими чертами других видов искусства. Здесь открывается богатое поле для совместной деятельности литературоведов, философов и искусствоведов.

Тот будущий труд, о самых общих и приблизительных наметках которого здесь идет речь, должен, именно в силу своего историзма и чувства современности, быть направлен против тенденций агностицизма и субъективизма, резко проявившихся в современном буржуазном литературоведении и в эстетике.

В значительной своей части буржуазная теория литературы и эстетика пытаются оправдать субъективизм, отрыв от действительности современного реакционного иррационалистического искусства, его распад и нигилистическое отношение к классическому наследию, в особенности к реализму.

Потому возникает теория, рациональная основа которой во многом является Кроче, пытающийся отрицать какую-либо возможность научной систематизации явления искусства, утверждающий бесплодность каких-либо родовых, видовых, жанровых делений.

Встречаются и заявления о невозможности усвоения общих закономерностей художественного развития, отражающихся в отдельном художественном произведении, ибо оно рассматривается как нечто исключительно индивидуальное и поэтому не могущее быть исследованным и познанным.

Совершенно очевидно, что такая постановка вопроса ведет к отрицанию научной теории литературы. Поэтому естественно, например, что ученые ГДР, уделяющие сейчас много внимания вопросам теории литературы, решительно выступают против таких агностицистских взглядов.

Вместе с тем никак нельзя отрицать того, что отдельные наблюдения современных буржуазных литературоведов и эстетиков над теми или иными эстетическими категориями, в частности над стилем, над видоизменением родов, жанров и видов, могут и должны быть критически использованы нашей наукой.

Разумеется, что тот большой труд, о котором здесь говорится, может явиться лишь плодом коллективных усилий многих ученых. В конце этого года Институт мировой литературы имени А. М. Горького Академии наук СССР предполагает собрать конференцию, посвященную вопросам построения теории литературы. Эта конференция даст возможность обсудить и определить наиболее целесообразные методологические пути решения этой большой теоретической задачи.

Ким Гун До — вонсанский рыбак

Пхеньян. Ворота Тедонмун

ГОД ОТ ГОДА РАСТИ НАШЕЙ ДРУЖБЕ

БРАТСКАЯ ПОМОЩЬ

«От всего сердца благодарим советский народ за оказанную братскую помощь в восстановлении и реконструкции гордости нашей страны — Сухунской ГЭС, варварски разрушенной американскими агрессорами». Эти слова золотом вышиты на шелковом знамени, торжественно врученном 28 января нынешнего года в КНДР представителю Министерства электростанций СССР. Сухунская ГЭС в Северной Корее по праву считается одной из крупнейших в мире. После диньтального перерыва вновь дает ток, снабжая энергией также и промышленные центры северо-востока Китая. Еще в 1953 году по просьбе правительства КНДР в Корею было направлена группа советских специалистов-энергетиков. В сотрудничестве с корейскими инженерами и рабочими они уже в июне 1955 года ввели в эксплуатацию первый агрегат. В течение 1956 года вступили в строй еще три агрегата и было отремонтировано два действовавших. Общая мощность электростанции достигла 600 тысяч киловатт. Сейчас идет подготовка к установке седьмого, последнего агрегата. Он будет пущен еще в этом году.

Немало знаменательных дат в растущей дружбе советского и корейского народов. И важнейшей среди них по праву должна быть названа дата в осеннем календаре — 17 марта 1949 года. В этот день восемь лет назад было подписано Соглашение об экономическом и культурном сотрудничестве между Советским Союзом и Корейской Народной Демократической Республикой.

Мы просим режиссера подробнее рассказать о работе над фильмом.

— Фильм «Рассвет на Востоке» — первая совместная постановка советских и корейских кинематографистов, — говорит И. Лукинский. — Его сценарий написан А. Первенецким и корейским писателем Се Ман Иром и Ким Сын Гу. В работе над фильмом принимает также участие корейский режиссер Чен Сан Ин.

ТВОРЧЕСКОЕ СОДРУЖЕСТВО

Серое, грозное корейское небо. Вдали горы. По пыльной дороге с корзиной на голове идет молодая женщина. Взгляд ее с надеждой устремлен на север. На втором плане — беженцы. Они спасаются от нашествия американских интервентов.

— Это эскиз одного из кадров будущего фильма «Рассвет на Востоке», — говорит режиссер-постановщик картины Иван Лукинский, показывая на рисунки, размещенные на стене.

Каково содержание картины? В ней показан героический труд корейского народа, возрождающего свою родину в послевоенный период. На этом фоне и разворачивается драматическая ситуация. В сценарии говорится о трагедии корейских людей, чья земля разделена на две части: северную и южную, когда члены многих семей искусственно оторваны друг от друга, не могут общаться.

Фильм будет цветным. Оператор Гинзбург, художники Пашкевич и Юн Сан Ёо стремятся в изобразительном решении кадров к локальным, суровым тонам. Музыка к фильму, основанную на национальных мотивах корейских песен, пишут композиторы Ким Ре Нук и Карн Хачатрян.

В заключение И. Лукинский сказал: — Сейчас на студии имени Горького заканчиваются павильонные съемки, после чего в начале апреля в южнокорейский «коллектив» выедет в Корею. Мы горячо желаем, чтобы новый фильм послужил укреплению дружбы наших братских стран.

Работница Пхеньянского текстильного комбината

Из корейского дневника худ. В. Высоцкого

ТАНЦУЕТ АН СОН ХИ

Кто бывал на гастролях Корейской государственной балетной студии имени Цой Сон Хи, вероятно, помнит танец «Жемчужина» в исполнении молодой солистки Ан Сон Хи. Она приехала к нам в Советский Союз, вместе с другими корейскими юношами и девушками пять лет назад. Приехала, чтобы учиться трудовому искусству классического балета.

Ан Сон Хи и Ю Ён Гин окончили ГИТИС и хореографическое училище Большого театра. И вот недавно Ю Ён Гин — молодой корейский балетмейстер — поставил второй акт «Лебединого озера» в Пхеньяне.

Ан Сон Хи блестяще дебютировала на сцене Большого театра СССР в цыганском танце балета «Дон Кихот».

Говорят, что талант Ан Сон Хи передал ей от матери, замечательной танцовщицы нашего времени Цой Сон Хи. Возможно, но я думаю, главное в том, что пленительный талант обеих выражает поэтическую душу корейского народа. Вот почему, когда смотрим на Ан Сон Хи, что бы она ни танцевала, вспоминаешь сравнение — «жемчужина страны утренней свежести». Ан Сон Хи увлекает зрителя целомудренной чистой движений, пластической музыкальной танца.

И всегда и везде — свежесте, утренней свежесте, как ощущение росы на чашечке распускающегося цветка. Таков танец Ан Сон Хи в различных его проявлениях.

Пылливо прошла она время учебы. И ее советские друзья гордятся, что в совместной работе помогли ей стать одной из лучших танцовщиц новой Кореи.

Михаил ГАБОВИЧ, народный артист РСФСР

ЗАРУБЕЖНЫЕ ГАСТРОЛИ ВАХТАНГОВЦЕВ

Коллектив Театра имени Евг. Вахтангова в начале апреля выезжает в гастрольную поездку в Чехословакию, а затем в мае — в Германскую Демократическую Республику.

Вахтанговцы покажут за рубежом спектакли: «Человек с ружьем» Н. Погодина, «Ома Гордеев» М. Горького, «На золотом дне» Д. Мамина-Сибиряка, «Много шума из ничего» В. Шекспира, «Филлумена Мартурано» Э. де Филиппо и «Одна» С. Алешина. В репертуар включен и новый спектакль «Город на заре» А. Арбузова.

С. МАРВИЧ

С БОЛЬШОГО завода уходил на другой завод еще более важного значения директор, который проработал много лет на одном месте. И один из тех, кого он близко знал, немолодой мастер, сказал, что ценил он в директоре три черты. Какие?

— Знания, волю и сердечный элемент. То, что немолодой мастер образно назвал «сердечным элементом», сказывалось даже в самых трудных обстоятельствах.

В первый год войны завод выстраивал заново на степной площадке в Сибири. Жили на юру и ели макуху. Бывало, приходили к директору с просьбой отпустить на неделю — поработать в совхозе, в МТС. Он отвечал:

— Отпустить не могу. Сами уходите? Сначала подумайте... Он никогда не повышал голоса, никому не грозил. Он ничего не обещал в дальнейшем, но все делал для дальнейшего. Помощники приводили в порядок развалившиеся подсобное хозяйство, доставшееся от другого завода. Нотью в крошечную приемную, отведенную тонкой стеной от кабинета, доносились разговоры директора по телефону, прерываемый спазматическим кашлем. И можно было подумать, что на конце провода вовсе не директор крупного завода.

— Действительно, несущий? Корм зря не растрачивай? Когда жать холагомок?.. Сажайте агроному: все сделаем, пусть переселится сюда. Нет, через полчаса я уезжаю... До утра...

Ночью в спибрскую метель директору подавали вездеход, и он отправлялся договариваться со старыми рыбаками, жившими у глухого, далекого озера.

Через год о макухе только вспоминали. Появились и рыба, и свинья.

Еще через год директора отозвали в Москву на другую работу. Он не хотел устраивать пышный прощальный вечер, потому что не любил речей о своих заслугах, но пришлось все же прийти. Отблескивая налив четверть рюмки водки, развивая ее черничным соком, — более крепкой пропорции не позволяла болящая печень, — чокунася, подала руки остающимся, пожелав обаять тех, кому верил больше, чем другим, и отбыл на аэродром.

О нем долго не забудут те, кто работал с ним годами. А мы вспоминаем о нем потому, что нередко приходится сталкиваться с отсутствием простоты, человечности, с отсутствием того, что так хорошо было названо «сердечным элементом».

Я проверяю свои наблюдения, мысленно возвращаясь туда, где мне приходилось бывать, — на заводы, в научный институт. И тут, и там встречаешь порой руководителей, которым надо — ох, как надо — научиться у молчаливого, сдержанного и такого душевного человека.

НА КРУПНОМ новом заводе я побывал как-то у конструкторов. За перегородкой с матовым стеклом пребывал начальник бюро. Это обходительный человек, который умеет в доступной форме рассказать о самом трудном в своей работе, умеет пошутить, похвастаться. Как он мид с посетителем!

К вам неприятно на моих глазах меняется его лицо, когда нашу беседу прерывает сотрудник бюро! Верхняя губа обходительного человека неприятно поднимается, обнажаются крупные крепкие зубы.

— Ну, что еще там? — Можно поспе? — Нужно после. А сейчас освободите нас от вашей талантливой особы.

Вот он движется, руководитель отдела, по проходу, в широком поджаке из сукна с грубым начесом, массивный, в свободном повязанном галстуке, — ему всегда жарко, — провожаемый веселыми взглядами притихших людей. Слышен только шум вытяжного вентилятора. Руководитель остановился возле рабочего места, ткнул в чертеж карандашом.

— Здесь!

— Что именно? После «что именно» следует, конечно, полное имя-отчество руководителя, а к слову-окрику «здесь!» ничего не добавлено. — А именно то, что надо сообразать. Он идет дальше. Остановился. Кажется, пришлось по душе то, что он увидел. Но душевного слова не было. Последовало короткое шумное пошашивание — признание явного удовольствия. Дальше. И слышен только вытяжной вентилятор.

А теперь вызовем на разговор одного из тех, кто сидит в зале. Это конструктор и комсорг Степа Балазин, веселый и горный. Настоящая фамилия у него другая, но мы не будем подводить Степу — есть у нас основание думать, что он узнает себя. Руководитель благоволит к Степе. И есть за что. Во-первых, у Степы голова на плечах, во-вторых, он никогда не становился на пути массивного руководителя ни в большом, ни в малом.

— Степа... Степаша... Ах, шельма... Сиди-еи!

Это можно услышать за перегородкой с матовым стеклом. В той ласковости мне, правда, чудится и некоторое презрение.

Конструктор Степа обижает руководителя. — Да это же Налопен, маг и волшебник среди нас, конструкторов.

— А помните, Степа, как маг и волшебник обещал со старым М.?

Старый М. чего-то недоумевал в сложном узле. И тогда раскрывалась дверь перегородки с матовым стеклами.

— Поидите сюда. Скоростужно! Тихо было в зале с вытяжным вентилятором, когда за перегородкой разлился старика, разослился безжалостно, незвывая на то, что он уже не первый год дедушка в своей семье.

Степа неприятно вспоминает об этом случае. — Конечно, лучше бы не так. Но надо быть объективным. Вспомните, как мы сидели до того, как у нас появился маг и волшебник. Теснотища. Вспомните. Тут же не протолкаться было. А освещен- — У того же М. спросите.

— Значит, маг... — Не шутите. Тут годами так сидели. Никакие просьбы не помогали. И скандалы. А он добился, он пробил. Он пошел, знаете, к кому...

В азарте Степа расстегивает воротник. — И все изменилось у нас. — И потому маг и волшебник имеет право на жалство?

— Конечно, лучше бы без этого. Но как он действовал! А как дело знает! Сильная личность!

Слушайте, Степа, вы ведь комсорг. Почему бы вам не поговорить с магом с глазу на глаз. Давайте пропретируем разговор. Вот я маг и волшебник, а вы комсорг. И вы тактично просите мага быть тактичным с подчиненными. Начнем!

Но прежнего Степы уже нет. Степа проносит: — Начнем? Так вот сразу? Ну, знаете... Для такого разговора с ним нужна опора, а я не иду ее в воздухе.

Но тут в наш разговор вступили две девушки. Они работали в том же зале, но думали совсем не так, как комсорг: — Это мы-то воздух? — Не притраивай к слову.

— Нет, Степачка, это не слово, а то, о чем ты вконец думаешь. Так вот знай: если ты не пойдешь к магу, пойдем мы. И тогда... Горничным же оставаться, конструктором также, а комсоргом нашим — нет. Это мы тебе гарантируем.

На ближайших же выборах, — добавила другая.

МНОГОЕ позволяет мне видеть моя профессия. Чередуются в памяти вели-

кое и малое. Видел я тридцать лет назад постановку первых опытов нового лечения проказы в лепрозории. Молодой врач упорно проводил опыты, шел от уныния к утону, закреплял эти узлы. С третьей, с пятой фотографии смотрел на меня лицо больного, к которому возвращалась человеческий облик (а за окном этот самый больной оккупал перекрестный куст). Молодой сотрудник-коммунист обеспечивал опыты всем, чем был в состоянии обеспечить. Он говорил о себе: «Я здесь всего-навсего завхоз. Что обо мне писать? Не стоить. О завхозах пишут одно смешное». Никакой рисовки, простота, сознание своего долга. Где-то вы сейчас, скромнейшие, безвестные люди, важные на себя тяжелую работу? Радостно вспоминать о вас.

А не так давно на моих глазах раздалась методика сложной операции, спасшей много жизни. Но радость наблюдения и познания — один из первоэлементов писательского труда — была отравлена. Об отравлении мастера с подчиненными не было ни простоты, ни человечности. И сами подчиненные как-то привыкли к этому. Мастер был вознесен на высоту, недосягаемую для обыкновенного человека.

Обытие мастера хирургии можно было сравнить с выездами царей — не было только пушечной стрельбы и колокольного звона. Но персонал тянулся цепочкой по старой лестнице, вслед обывающему шестелу восхищенный шепот.

А как он, тонкий мастер хирургии, отвечал на восхищение? Марля возле рта не фильтровала грубость. Крик «дурница» во время операции был не самым оскорбительным. Ему прощали и не это. Мастер поднимает глаза на ассистента:

— Имбецил*, вы слышите меня? Сестры переключаются. Латыни знают не все, но чувствуют — человек тяжело обижен. Ассистент медленно багровеет. Ответить сейчас нельзя. Но он и потом не отвечает. Он даже принимает приглашение мастера доехать в его машине до своего дома. Правда, сидит она на переднем месте, сутулится, назад не обращается, да его и не волнует разговор. Ассистента довели до дома, он невольно простился, ему небрежно ответили. Мы едем дальше.

— Вам нельзя оперировать под местным наркозом. — Почему? — Большой вас слышит. — Верно! Слышит, но не может проговаривать.

Мастер смеется, как бог на Олимпе. — А в других операционных слышно — «имбецил», «дурница»? — Н-да. Характер у меня скверный — срываюсь.

Мастер лукавит. Никогда он не срывается. Все расчитано. Тренет и благоговение — вот что ему нужно всегда, в любой час деятельности. И ему не отказывают в этом подчиненные.

Совсем по-иному в соседней операционной, у другого мастера, седого, румяного, обходительного человека. Простота, жесткость, сердечность. Ни помысла, ни жерста, ни оскорбления. И ни разу здесь не было тонко расчитанного «срыва».

Правда, не этот мастер разработал методику операции, ставшей известной во всей стране и за рубежом. Но неуемный коллектив должен расплачиваться за такую работу самоуправлением?

МОИ ЗАМЕТКИ могли бы быть продолжением. Я ограничусь коротенькой зарисовкой.

Мы в кабинете директора известного уральского завода. Молодой инженер просит отпустить его:

— У вас нет проката, а я прокачати. Меня этого учили.

— Работать надо, — почти кричит директор, ребром ладони удаяря по столу. — Я не за пенсией пришел. У вас же только штамповка.

— Ну, и поштампуете. Я сам восемь лет пытался начальником цеха.

Надо бы спросить, куда собрался молодой инженер, точно ли ему в другом месте дадут работу по любимой специальности. О многом надо бы узнать. Это подсказывает веления простоты и человечности. Но куда там... Вряд ли руководитель слушает собеседника. Порезе с ним надо. Грубое слово подбирается намеренно. Почему же еще удерживается кое-где стиль такого руководства, оскорбительный, без простоты и человечности? Не потому ли, в какой-то мере, что подде таких руководителей оказываются услужливые и всепрощающие Степы Балазины?

«Установочка» Степы Балазина яона: «спობрби», связях с магом и волшебником — жизни рад не будешь». И он не хочет обременять себя никакими хлопотами, конфиктами.

Легко знаменитый путь Степы, так легко, что, в сущности, оставил его недороспитаным. Школа плюс заблудившие папа и мама, втузовская стипендия плюс папа-мама. И сразу потом служба. И поныне папа-мама еще не выключились из его жизнеустройства. Жизнь доходила до Степы как-то отраженно. Восприятия были односторонние. То, что происходило за дверью дома, казалось ему царством случайностей, а не закономерностей.

И вот в воображаемом царстве случайностей Степа отдал особое место сильной личности — магу и волшебнику. Маг и волшебник скурюшат любые препятствия, и потому за ним признается неписанное право на бестактность, на оскорбительное отношение к сотрудникам.

«СЕРДЕЧНЫЙ элемент»... У прославленного хирурга и талантливого конструктора он начисто отсутствует. Он заменен грубостью, бестактностью.

Мы не боимся слов, которые другим покажутся истеричными. Да, надо быть ближе, всегда ближе к тем, кто составляет трудовой коллектив. Авторитет остается авторитетом. Быть ближе не означает, что руководитель обязан плавать «Япоником» на вечерние семействительности. Обойдетесь и без «Япоником». Но надо лучше знать своих сотрудников, их души, заботы. И сомнения, и колебания также. Без этого нет полноценного советского руководителя. И нельзя преуменьшать роль этого услужливого, всепрощающего Степы в существовании мага-волшебника. Вот об этом мне и хотелось сказать в своих заметках.

через Русалочью дорожку. Отсюда Цоко спустился к городу, пробрался садами и задворками к дому Петюковых и, нимем не замеченный, постучал в заднее окно.

И вот он сидит в большой горнице учительского дома у печи, — худой, широкоплечий, с длинными седыми усами, желтыми под носом от табачного дыма, с частой сеткой глубоких морщин на лице, маленькими серыми глазами, полными необыкновенно устойчивого, серьезно сосредоточенного выражения, молчаливый, ни на минуту не расставаясь с коротенькой трубочкой и отплевывающийся после каждой затяжки. Огонь на кухне ярко пылал. Пока Иванка хлопотала, распорядившись запасами свиного сала, венками стручкового перца и связками вяленого мяса, Цоко неподвижно сидел на соломенной подушке у колена, в раздумьях, похныкивая трубочкой. Петюковы не заглянули перед ним своей двери, — хорошо. А найдется ли и в сердце у них уют для старого хайдука, — это он сейчас задумал. Цоко ждал убогой. Иванка поставила на стол молочник, полный простоквашки, миску с жирной похлебкой и тарелку с белым хлебом. Цоко оставалось только перебраться, отломить кусочек хлеба, махнуть его в миску и отправить в рот. Но он ничего этого не сделал.

— Дай вам божье, други, — сказал он, — а мне нельзя. По средам и пятницам постится мы всей дружиной. Для стариков же и в понедельник пост.

Он пронаез это с радостной душой, так как ясно видел теперь, что его встреча с Петюковыми не будет ошибкой, начать разговор о главном. Ведь не обещать же, в самом деле, пришел сюда Цоко, давно позабывший, как обещает люди. И не для того спустился он с гор в долину, прорываясь сквозь чащу непролазного леса, сквозь буквеные кустарники, дубовые заросли, виноградники, чтобы прийти сюда голодным, а уйти сытым. Нет, не для этого! Цоко пришел с горькой просьбой от хайдуцкого дружины. Если не дадут калоферцы просимого, пропадет дружина без следа. А почему не дать? По обоим берегам реки Тунджи, от Ореховой долины вверх до мельницы, работают, оглушительно стуча днем и ночью, шнуровые мастерские. Вода Тунджи крутит машины, а в них крутятся шнур. Из каждой машины за год выходит по две тысячи кусков готового шнура. Всего в мастерских горда тысяча двести машин. Шнуром же Калофер за год изготовит шнура для продаж и не сосчитать. Сколько выучит прибыли? И не выговорить. А что сказать о калоферских абаджиях¹, ко-

торые могут одеть в свой шаяк целый Пловдив и половину Цареграда? Ох! Калоферцы — богачи. Хайдутам же много не надо: двадцать пять турецких лир, тридцать пар лаптей да десерт ко пороку. Дядю Цоко убедительно хлопнул себя по штанам, которые были так широки, что в них свободно уместилась бы не одна мера ячменя. Больше ничего не надо дружинке! Не будут хайдуты разбойничать, если хорошо знают, что за работой по «Исповеднику» отлучают виновного от причастия на двадцать лет, а будут, как и прежде, стеной стоять на тара-Планине, не давая проехать турецкому купцу с караваном, пройти зайти², проползти поганой змеи...

...Братский хотел набить трубку. Но руки его дрожали, и табак, минуя трубную головку, сыпался в огонь печки. Да, действительно, Цоко принес весть о Станчо — первую и последнюю восточку о миллом старшем сыне. И не только руки — все нутро Митю дрожало, и судорожно сжималось от боли в оставшемся сердце. Не было больше Станчо. Почти сию-лебий орел на высокой горной вершине едва успев расправить саженьные крыльи, чтобы спуститься в бой. Цоко подробно рассказывал, как все случилось. Надо было непременно выжить турок на кулы³, а самому кулу разрушить, отваживая проклятых от повалив забираться на орляную высоту. Кула была очень крепка — четырехугольный дом из серого камня; длинный ряд маленьких окон под плоской крышей; сбoku — вышка, а кругом — каменная стена с бойницами... Цоко говорил медленно, по-стариковски, хриплым, дребезжащим голосом. Христо слушал, а в ушах его звенел свежий и звонкий запев любимой песни:

Кто из нас не пожелает За Болгарию погибнуть, За отчину дорожку, — Пусть того господь погубит, Проклянет пусть мать родная, Пусть отец его зарубит, Плюнет сын в его могилу...

Митю плакал, тряс головой. Острые углы лопаток быстро двигались под рубахой на его худой спине. Глядя на Митю, не выдержал и Христо — тоже заплакал.

— Зачем огорчаться, мой ягненок? ласково сказал ему Цоко, — жить на земле скудно и трудно, но том свете, наверное, лучше. Сидит Станчо под облаками, споконья и неподвижно, под облаками. Птицы вьются в его голове, перья уходят корнями в уши, в глаза. Хорошо теперь Станчо. А вот я и жив, да... смотри-ка!

Он вытянул руку с отрубленными

Город угольщиков Сарай, Карагандинской области, образован два года назад. За это время в городе построено 60.000 квадратных метров жилой площади, выросли десятки улиц. В городе 37 школ, множество магазинов, 5 клубов, библиотеки и другие культурно-бытовые учреждения. На снимке: Дом культуры горняков. Фото П. Федорова

ректор, ребром ладони удаяря по столу. — Я не за пенсией пришел. У вас же только штамповка.

— Ну, и поштампуете. Я сам восемь лет пытался начальником цеха.

Надо бы спросить, куда собрался молодой инженер, точно ли ему в другом месте дадут работу по любимой специальности. О многом надо бы узнать. Это подсказывает веления простоты и человечности. Но куда там... Вряд ли руководитель слушает собеседника. Порезе с ним надо. Грубое слово подбирается намеренно. Почему же еще удерживается кое-где стиль такого руководства, оскорбительный, без простоты и человечности? Не потому ли, в какой-то мере, что подде таких руководителей оказываются услужливые и всепрощающие Степы Балазины?

«Установочка» Степы Балазина яона: «спობрби», связях с магом и волшебником — жизни рад не будешь». И он не хочет обременять себя никакими хлопотами, конфиктами.

Легко знаменитый путь Степы, так легко, что, в сущности, оставил его недороспитаным. Школа плюс заблудившие папа и мама, втузовская стипендия плюс папа-мама. И сразу потом служба. И поныне папа-мама еще не выключились из его жизнеустройства. Жизнь доходила до Степы как-то отраженно. Восприятия были односторонние. То, что происходило за дверью дома, казалось ему царством случайностей, а не закономерностей.

И вот в воображаемом царстве случайностей Степа отдал особое место сильной личности — магу и волшебнику. Маг и волшебник скурюшат любые препятствия, и потому за ним признается неписанное право на бестактность, на оскорбительное отношение к сотрудникам.

«СЕРДЕЧНЫЙ элемент»... У прославленного хирурга и талантливого конструктора он начисто отсутствует. Он заменен грубостью, бестактностью.

Мы не боимся слов, которые другим покажутся истеричными. Да, надо быть ближе, всегда ближе к тем, кто составляет трудовой коллектив. Авторитет остается авторитетом. Быть ближе не означает, что руководитель обязан плавать «Япоником» на вечерние семействительности. Обойдетесь и без «Япоником». Но надо лучше знать своих сотрудников, их души, заботы. И сомнения, и колебания также. Без этого нет полноценного советского руководителя. И нельзя преуменьшать роль этого услужливого, всепрощающего Степы в существовании мага-волшебника. Вот об этом мне и хотелось сказать в своих заметках.

через Русалочью дорожку. Отсюда Цоко спустился к городу, пробрался садами и задворками к дому Петюковых и, нимем не замеченный, постучал в заднее окно.

И вот он сидит в большой горнице учительского дома у печи, — худой, широкоплечий, с длинными седыми усами, желтыми под носом от табачного дыма, с частой сеткой глубоких морщин на лице, маленькими серыми глазами, полными необыкновенно устойчивого, серьезно сосредоточенного выражения, молчаливый, ни на минуту не расставаясь с коротенькой трубочкой и отплевывающийся после каждой затяжки. Огонь на кухне ярко пылал. Пока Иванка хлопотала, распорядившись запасами свиного сала, венками стручкового перца и связками вяленого мяса, Цоко неподвижно сидел на соломенной подушке у колена, в раздумьях, похныкивая трубочкой. Петюковы не заглянули перед ним своей двери, — хорошо. А найдется ли и в сердце у них уют для старого хайдука, — это он сейчас задумал. Цоко ждал убогой. Иванка поставила на стол молочник, полный простоквашки, миску с жирной похлебкой и тарелку с белым хлебом. Цоко оставалось только перебраться, отломить кусочек хлеба, махнуть его в миску и отправить в рот. Но он ничего этого не сделал.

— Дай вам божье, други, — сказал он, — а мне нельзя. По средам и пятницам постится мы всей дружиной. Для стариков же и в понедельник пост.

Он пронаез это с радостной душой, так как ясно видел теперь, что его встреча с Петюковыми не будет ошибкой, начать разговор о главном. Ведь не обещать же, в самом деле, пришел сюда Цоко, давно позабывший, как обещает люди. И не для того спустился он с гор в долину, прорываясь сквозь чащу непролазного леса, сквозь буквеные кустарники, дубовые заросли, виноградники, чтобы прийти сюда голодным, а уйти сытым. Нет, не для этого! Цоко пришел с горькой просьбой от хайдуцкого дружины. Если не дадут калоферцы просимого, пропадет дружина без следа. А почему не дать? По обоим берегам реки Тунджи, от Ореховой долины вверх до мельницы, работают, оглушительно стуча днем и ночью, шнуровые мастерские. Вода Тунджи крутит машины, а в них крутятся шнур. Из каждой машины за год выходит по две тысячи кусков готового шнура. Всего в мастерских горда тысяча двести машин. Шнуром же Калофер за год изготовит шнура для продаж и не сосчитать. Сколько выучит прибыли? И не выговорить. А что сказать о калоферских абаджиях¹, ко-

торые могут одеть в свой шаяк целый Пловдив и половину Цареграда? Ох! Калоферцы — богачи. Хайдутам же много не надо: двадцать пять турецких лир, тридцать пар лаптей да десерт ко пороку. Дядю Цоко убедительно хлопнул себя по штанам, которые были так широки, что в них свободно уместилась бы не одна мера ячменя. Больше ничего не надо дружинке! Не будут хайдуты разбойничать, если хорошо знают, что за работой по «Исповеднику» отлучают виновного от причастия на двадцать лет, а будут, как и прежде, стеной стоять на тара-Планине, не давая проехать турецкому купцу с караваном, пройти зайти², проползти поганой змеи...

...Братский хотел набить трубку. Но руки его дрожали, и табак, минуя трубную головку, сыпался в огонь печки. Да, действительно, Цоко принес весть о Станчо — первую и последнюю восточку о миллом старшем сыне. И не только руки — все нутро Митю дрожало, и судорожно сжималось от боли в оставшемся сердце. Не было больше Станчо. Почти сию-лебий орел на высокой горной вершине едва успев расправить саженьные крыльи, чтобы спуститься в бой. Цоко подробно рассказывал, как все случилось. Надо было непременно выжить турок на кулы³, а самому кулу разрушить, отваживая проклятых от повалив забираться на орляную высоту. Кула была очень крепка — четырехугольный дом из серого камня; длинный ряд маленьких окон под плоской крышей; сбoku — вышка, а кругом — каменная стена с бойницами... Цоко говорил медленно, по-стариковски, хриплым, дребезжащим голосом. Христо слушал, а в ушах его звенел свежий и звонкий запев любимой песни:

Кто из нас не пожелает За Болгарию погибнуть, За отчину дорожку, — Пусть того господь погубит, Проклянет пусть мать родная, Пусть отец его зарубит, Плюнет сын в его могилу...

Митю плакал, тряс головой. Острые углы лопаток быстро двигались под рубахой на его худой спине. Глядя на Митю, не выдержал и Христо — тоже заплакал.

— Зачем огорчаться, мой ягненок? ласково сказал ему Цоко, — жить на земле скудно и трудно, но том свете, наверное, лучше. Сидит Станчо под облаками, споконья и неподвижно, под облаками. Птицы вьются в его голове, перья уходят корнями в уши, в глаза. Хорошо теперь Станчо. А вот я и жив, да... смотри-ка!

Он вытянул руку с отрубленными

Похвалили

Мой знакомый прозаик Василий Петрович Н. (не ставляйте называть его фамилию) с честью пронес через многие испытания последний лет свой самобытный талант, добрый нрав и, главное, неустрашимую жизнестойкость. Поэтому я был очень удивлен, встретив его недавно на улице бледного, мрачного, расстроенного. Но тут же я вспомнил, что у Василия Петровича месяц назад вышел сборник рассказов, и мне все стало ясно.

— Португали? — спросил я у него делкатно и сочувственно, как у больного. — Хуже. — Что может быть хуже? — Похвалили... Не читал?

И он проглотил мне свежий номер одной из газет. На третьей полосе ногтем была отчеркнута рецензия, которую я тут же на улице и прочел. Память у меня хорошая. Я прочел рецензию дважды и запомнил, как стихотворение...

«НЕЗАМЕТНЫЙ ТАЛАНТ» У разных писателей разные судьбы: одним критика дарит розы, другим шпиль, третьим забвение. Именно к этой третьей категории принадлежит писатель Н. — автор не лишнего интереса сборника рас-

сказов «Всегда в пути». Пусть язык писателя неокреп, а временами в прозе сер, пусть созданные им образы наших современников порой неживучи и схематичны, пусть сюжеты большинства его рассказов холодны и надуманы, — будет несправедлив не заметить за всем этим скрывающуюся душу, которая не гнет, да и протыкает сквозь толщу псевдо-литературных напастей.

Можно почти безоговорочно утверждать, что автор, после тридцати лет безуспешных исканий, нащупывает, наконец, правильную дорогу. И пусть дорога эта — не стодобовой путь нашей литературы, пусть это всего лишь неяркая извилистая окольная тропинка, — хочется верить, что писатель пробьется в конце концов к настоящим, а не мнимым творческим победам. Залогом этому является его путь небольшие, пусть более чем скромное литературное дарование.

«Дорого пути, дорогой товарищ!» — «Ида-а-а-а...» — проглотил я, стараясь не встретиться с приятелем глазами.

От непьющего Василия Петровича похваливало водкой, но я не осудил его за это.

Вл. ЛИФШИЦ

Поругали

Прозаик Сергей Тимофеев уныло пересчитывал рецензию на свой роман «Бегущие вперед». То, что его поругали, — это более или менее ясно. А вот за что? Он так и не понял. Однако последняя фраза рецензента областной газеты являла собою образец недумосмысленности и строгой прямоты. «Сергей Тимофеев», — заключал рецензент, — написал роман. Уместно спросить: для чего и для кого? Нет, не нужен нам такой усложненный, психологизированный роман. Жизнь наша аса, дорога — прямая, и мудрствовать тут нечего».

Молодому писателю все же хотелось разобраться, каковы его грехи в конкретном, так сказать, выражении. И взгляд его блуждал по абзацам.

Рецензент писал: «Машинист Вихрев получает приказ — провести сверхтяжелый поезд по трудной магистрали. Заметим, что инициатором этого маршрута является сам же Вихрев. И что же? Автор заставляет своего героя волноваться, думать, нервничать. Налицо психологизм, то есть подражание Толстому или Бальзаку. Однако Тимофееву следует знать, что герой его — не кисейная барышня и не какой-нибудь чувствительный граф. Задание есть задание. Путевой лист — в порядке. Маршрут ясен. Бривага горит желанием. Чего еще волновать? Жми, как говорится, на все педали. А Тимофеев заставляет нервничать своего героя, в то время как нужно железное спокойствие и соблюдение всех путевых правил...»

«Любовь к психологизму доводит Тимофеева почти до абсурда. Возьмем

пример. Вихрев провел свой поезд благополучно. На станции встречает его любимая девушка Варя. И опять же бальзаковский: то ли стесняется друг друга, то ли людей боятся. А отчего бы это? Вихрев герой? Герой! Варя его любит? Люби! Он тоже. Ну, пожали б руки, а то бы и поцеловались, по-простому, по-работному. Не тут-то было! Опять же раздумья, воспоминания и прочее...»

«Психологизм до добра не доводит. Он и на языке Тимофеева отразился. Роман переспан образами, эпиграмами и даже метафорами. Двадцать восемь словечек, подмеченных нами, вообще говоря, отсутствуют в словаре Ожегова... И еще, например, что означает сие: «Луна, казалась, не желала спускаться молодой паре и все еще скрывалась в небольшом облачке». Заметим, что луна в качестве небесного светила может напугать лишь людей суевещных. А Вихрев и Варя — со средним образованием. Вихрев к тому же и передовой машинист».

«Что такое рукожатие? Это — акт дружеский. Но Тимофееву этого мало. Варя ощущает мозоли на руках Вихрева. Вихрев пожимает белую (!) и нежную (!) руку Вари. У нее в связи с этим — мысли. И у него тоже — мысли. А что, собственно говоря, произошло? Всего лишь рукожатие!..»

Прозаик не мог больше читать. Он окончательное уразумел смысл рецензии: о точи зрения газеты его поругали! Без обинжов!

Георгий ГУЛИА

По следам неопубликованных писем

После опубликования в «Литературной газете» статьи «Нет, это не гуманизм!» редакция получила ряд писем, авторы которых сообщили об аналогичных недостатках в работе некоторых домов инвалидов.

Публикуем результаты расследования одного из подобных сигналов, сообщенного Л. Лебедевым из Кагановичского дома инвалидов (село Маловодное Кагановичского района Киргизии).

Заместитель министра социального обеспечения Киргизской ССР Ф. Фирсов ответил редакции, что существенных недостатков в работе дома инвалидов, указанные в письме П. Лебедева, при проверке подтвердились.

За неудовлетворительное руководство домом инвалидов директоров тов. Божанов от работы освободили.

Приняты меры по улучшению организации питания инвалидов и по обеспечению дома необходимым инвентарем.

В связи с тем, что Кагановичский дом инвалидов имеет крайне недостаточную жилую площадь и ограниченную территорию

ПРИВЫЧНОЕ — НЕ ВСЕГДА ЛУЧШЕ

В. РЕВИЧ

1. Слово «схема» стало сейчас весьма популярным литературоведческим термином. Но для борьбы со схематизмом, с этим тяжелым недугом художественных произведений, критические докторы далеко еще не мобилизовали всех своих сил. В сегодняшнем уже даже стихла оплеуха «новатора и консерватора» или «зазнавшегося новатора», но на смену им пришли новые стандартные сюжеты. Об одной из таких схем и о том, как некоторые произведения сумели ее победить, и пойдет речь.

...Молодой человек окончил учебное заведение (как правило, вышшее) и помещается в «глубинку», куда он ехать не хочет (если он горожанин) или стремится (если — из села). И в том, и в другом случае представления о реальных трудностях, с которыми ему придется столкнуться, не имеет. Конечно, то место, куда попадает герой, оказывается не таким уж захолустным, конечно, он встречает там замечательных людей, вступает в борьбу с рутинером или мошенником, успешно, несмотря на неопытность, выдерживает это испытание, соединяется с любимым человеком, а заканчивается произведение обычно такой «блестящей аркадской пиллией», что становится по-человечески жалко героя.

Сюжет какого произведения здесь перекажем? Многих. Даже в оригинальных прозаических романах (например, в «Глубинь-Городок» Л. Обухова) пусть в красках, но переживает эта схема.

Вопрос, конечно, не сводится к одному сюжету. Со схематизмом сюжетным неразрывно связан схематизм образов. Если же у писателя есть за душой живые, полнокровные, трехмерные характеры, то их не «впечатает» ни в какую схему, они обязательно ее сломают.

Так случилось с повестью писательницы из Эстонии Лидии Компус «Даша Нечаева». О «Даше Нечаевой» в целом можно сказать так, как часто говорят авторы про своих героинь: если брать ее черты в отдельности, то и нос курносый, и косычки маленькие, в скулы несколько торчат, а вообще такая симпатичная, что глаз не отвести. То же самое и здесь: повесть «Даша Нечаева» наполнена таким остротой своеобразия, такой свежестью, что это во многом искупает литературную неопытность ее создательницы.

Л. Компус рассказала о первых шагах учительницы начальных классов, совсем еще юной, девятнадцатилетней девушки. Даша попадает в сложную, трудную обстановку, тем не менее она не выглядит слепым котенком, барахтающимся в бурном потоке. События, происходящие в деревушке Вежино, на берегу Чудского озера, характерны именно для Прибалтики, где еще не забылось время жестоких классовых схваток, где о бандах с автоматами (а не с патриархальными кулацкими обрезам) еще свежа страшная память в народе. Оправдано ли, что Даша — почти девочка — оказалась подготовленной к этой борьбе? Да, мотивировка художественно убедительна. Стремление Даши попасть в Вежино не случайно: здесь когда-то родился ее отец, молодым парнем бежал он в Советский Союз из буржуазной Эстонии, всю жизнь мечтал вернуться на родину, чтобы учительствовать там, и сумел передать эту мечту своей дочери. Даша еще девочкой осталась без родителей, вела самостоятельную жизнь, добилась образования. Вот откуда и решительность, и принципиальность ее.

Главная черта Даши — романтическая увлеченность своей профессией, ее любовь к этим маленьким человечкам, чувство ответственности за их судьбу. На первом плане Дашины поиски, сомнения, первые ошибки, первые радости, ее обычные трудовые будни, «дни без событий», как назвала их писательница, наполненные большим внутренним содержанием. Конечно, и в произведении с торжествующей схемой автор старается нас уверить в славных трудовых качествах своего героя. Но мы не найдем там убедительных деталей, неповторимых приемов, которые и делают героя живым. У Л. Компус их много. Вот один из них.

Вряд ли возможно полноценно описать труд педагога, обойдя «объект» его работы — детей. Существует целая проблема — как изображать в детской литературе взрослых. Но, может быть, не менее сложным является изображение во «взрослой» литературе детей. Л. Компус выбрала, пожалуй, самый правильный в данном случае путь: ребята показаны глазами Даши. Поэтому, увидев много места детям, их мыслям, заботам, делам, автор не только избежал наивности детских книг, но и существенно оживил, обогатил характер своего персонажа.

Вот как описывается Дашин «любимчик»: «Пристрастие к нему Даша старается скрывать, но это очень трудно: из всех двадцати он самый круглый, самый розовый, самый сияющий. Он трогательно сонлит над своими тетрадками, он умеет считать до тысячи и у него такие прозрачные, голубые, полные вопросов глаза, что Даше иной раз становится страшно: разрешит ли она все его сомнения насчет солнца, луны, звезд, дождевых червячков, сияющих гнезд и множества других вещей — или не разрешит?»

Избежать плоскостности образов — значит показать разнообразие переживаний, разносторонний мир чувств героя. В этом сложном мире одно из первых мест изданно отведено любви. Без любовной истории не обходится почти ни одно произведение о молодежи, и это понятно и закономерно. Но очень часто любовь в книге находится на задворках сюжета, оторвана от характеров героев. Любовные сцены в этих книгах не обогащают нашего представления о героине, скорее обводят его, показывая такую скудость чувств, какая вряд ли возможна в живом человеке.

В «Даше Нечаевой» так не произошло. Третий первого чувства молодой девушки — страдания, робость, надежды, ревность из-за пустяков, которые кажутся такими значительными, — все показано с большой поэтичностью, а главное, описано так прекрасно дополняет и развивает образ. Правда, мы не совсем согласны с героиней в том, что ее «предмет» достоин такой горячей любви, но это совсем другой вопрос. Переживания Даши даны без нажима, писательница не облизывает нас любовью девушку, не говорит о том, что

это — хороший, глубоко чувствующий человек, симпатизируйте ему! Наше отношение к героине вытекает из самого движения образа.

2. Но так бывает не всегда. Повесть литовской писательницы Галины Корсакине «Первый год» решает сходные задачи. Героиня повести — молодая хирург Элана. Ее труд описан хорошо, ничего не скажешь, но чувства героини бледны, не раскрыты, хотя на декларативные заверения автор не скупились: «Та молчала; она не любила вслух выражать свои чувства, хотя переживала глубоко и страстно». Декларации в художественных произведениях вообще раздражают, но если автор нам как-то рекомендует героя (хотя бы устами своего персонажа), то подтверждение должно быть убедительным. В противном случае мы должны подозревать либо рекомендуемого человека в глупости или нечестности, либо автора в неумелости, приводящей к схематизму.

«Первый год», в отличие от «Даши Нечаевой», пестрит такими рекомендациями, далеко не всегда оправдывающимися. Вот пример. Элана едет на конференцию. Ее спрашивают, написала ли она свою речь. «А я не написала ее...» — отвечает Элана. — Нет уж, скажу, как сумею. По крайней мере это будет пусть сплывающаяся и неумелая, но все же живая речь, а не заученные фразы!» Далее даются образцы этой сплывающейся и неумелой, по живой, незаученной речи: «К сожалению, надо признать, что этот микродельчачество заражает порою и молодых врачей, отравляет их карьеризмом, увлекает на скользкий, лагуновый путь. Делают, товарищи, не всегда легко распознать, но маскируется. И нужно иногда немало настоящей работы, чтобы разоблачить его, и еще больше — чтобы преодолеть свое примитивное к нему отношение...» Откуда у молодой девушки этот уверенный суконо-бюрократический тон?

Не только речам, но и поступкам Эланы, и авторскому отношению к ним зачастую не хватает внутренней оправданности. Г. Корсакине в начале книги осуждает героиню за невоспитанность: Элана не хочет ехать на периферию. Тут же разъясняется, почему она так настроена. Оказывается, ее, лучшую студентку курса (это не Элана так считает, это мнение профессора), отсылают, а в аспирантуру «по блату» рекомендованы весьма посредственные люди. Так, может, права героиня, и не лучше ли обратить авторский гнев на беспричинность распределительной комиссии?

Нельзя поверить, что эта умная, наблюдательная девушка так долго не может разглядеть подлинного лица приспособленца Пришмантаса, хотя она ясно всем окружающим и прежде всего читателю. Можно привести и другие примеры из книги, показывающие, как поступки Эланы и других героев автор насильственно направляет в русло заранее открытых каналов.

В этом отношении повесть Г. Корсакине во многом противопоставит хороший рассказ эстонского писателя Вяйно Илуса «Осенние дни».

На этот раз перед нами агроном, молодая специалистка Леа Силлани, приехавшая из города в отсталый колхоз. Ее действия, размышления как бы только записаны автором; мы верим, что именно так и бывает в жизни.

Большинство колхозников из колхоза «Метса» уже привыкло к мысли, что от артели ждать нечего, и промышляет на стороне; только несколько человек, охваченные решениями ЦК КПСС, активно борются за подъем своего колхоза. Вопреки схеме Леа не возглавляет их борьбу и даже не сразу примыкает к борющимся. Ее сначала пугает облик начальника, ее вводит в заблуждение ложное добро председателя. Совершив решительный поступок под влиянием комсорта Ильмы, она долго удивляется собственной смелости. Но благодаря искренности переживаний, благодаря преодолению действительных трудностей Леа становится интересной и близкой читателю.

3. Теперь сойдем на одну ступеньку и рассмотрим, как показаны главный герой и его окружение в произведении, где схема полностью восторжествовала над жизненной достоверностью. Таким примером может служить повесть туркменского писателя Беки Сейтакова «Первая весна». Сколько бы мы ни вычитались, нельзя понять, почему Берды Мухаммедов, герой этой повести, стал чужим агрономом (он тоже агроном!). Вся предшествующая жизнь не готовит его к трудовым подвигам. Маленький сыночек по воспитанию, «пшикон» по привычкам, кабинетный деятель по характеру, он, посаженный в деревню без всякой охоты, по обязанности, развивает вдруг кипучую деятельность: сразу завоевывает авторитет колхозников, побеждает всех недругов, становится фактическим руководителем колхоза. Конечно, может случиться и так — человек перекровет себя, духовно переменяется. Но каких-либо объяснений такого передела в повести как раз нет. Есть констатация двух крайних состояний: был человек таким, стал другим, — хотите верить, хотите нет.

Берды не назовешь бездельником. Он трудится, говорит нам автор, с утра до вечера. Берды Мухаммедов «почти целыми днями... пропадал на полях»; «...молодой агроном, не жалея сил, весь отдавал увлеченной его работе, которая могла принести колхозу всякий урожай хлопков». Узнаем ли мы из таких сообщений что-либо о герое, о его труде? Конечно, нас интересуют не агрономические сведения по выращиванию хлопчатника, а то влияние, которое оказывают на героя работа, общение с людьми, те слитки, отзвуки, перемены в его душе, которые обусловлены его новой трудовой жизнью. Но об этом автор — молчок.

Сначала агроном начинает борьбу за прогрессивный метод в обработке хлопковых плантаций. Как положено, эта мера встречает противодействие председателя. Но Берды не приходит проявить характер, защищая свою позицию. Председатель агроном, поворачивает и легко подчинился: агроном запросто добился больших успехов, все пошло как по маслу, и автор в дальнейшем вообще оставил в стороне трудовую деятельность своего героя. Освоив

важное место осталось незаполненным, так как личные чувства Берды также представляют собой «белое пятно». Например, нам сообщается, что Берды влюблен. Где-то в городе он встречается «чернокожа Шекер», которая приедет к Берды, когда закончит учебу. Кроме этой информации, ничего нет. Правда, есть еще образ учительницы Дашинной, которая, как можно догадаться, неравнодушна к Берды, но он не испытывает к ней никаких чувств (в буквальном смысле — никак).

4. По неписанным правилам (хотя бы на самом деле это вовсе не обязательно) в произведениях о вступлении молодого человека в жизнь у героя должен быть противник, контргерой, так сказать, в борьбе с которым герой и показывает себя. «Схема» дает на этот счет твердые установки: в противнике героя должен быть сконцентрирован максимум зла; на практике он оказывается уголовным (а то и политическим) преступником. В самом деле: Аталов («Первая весна») просто-напросто вор, Пришмантас («Первый год») спекулирует лекарствами. В «Даше Нечаевой» Арсений Хмелев — бандит, который пожелает колхоз и с оружием в руках прыгает в лесок.

Победа над таким врагом должна, конечно, особенно прославить героя. Но прославление не всегда получается с врагом, с негодом бороться легко, морально легко. К тому же во многих произведениях злодея героя сильно обегает тем, что отрицательный персонаж действует нагло, неприкрыто. Удивляешься слепоте окружающих, которые долгое время принимают его за честного человека. В разной степени этим грешат и перечисленные произведения. Не с одинаковой убедительностью изображены в них и сами отрицательные персонажи. Образ Пришмантаса из повести Г. Корсакине — это, пожалуй, самый сильный образ в произведении. Арсения Хмелева тоже нежизненным образом не назовешь. Появление такого человека оправданно обстановкой, о чем уже говорилось. Да и сам Арсений отнюдь не безлик — противоречивой, по-своему сильной натурой, с тяжелой, угарной любовью к Даше и плохо скрываемой ненавистью к советскому строю. Но образ Арсения композиционно слабо связан с образом Даши. Это просто один из людей, встретившихся девушкой на жизненном пути. Хотя Арсений и влюблен в нее, но существует он в книге как-то сам по себе, создавая новый сюжетный центр.

Еще менее оцитама композиционная связь между главным героем и его противником в повести В. Сейтакова. Основной враг Берды продавец Аталов — невыразительный образ, его роль в повести неслена. Агроном даже не знает, что у него есть противник. Следовательно, и здесь не может быть борьбы, в которой оказалась бы характер героя.

По недоразумению пререковал агронома Аталов подвиги своего любовника звать Берды к себе в дом и обвинять в пошлости на ее честь. И вот окружающие, любящие и уважающие молодого человека, моментально поверили в эту примитивную ложь вздорной бабки и отвернулись от него. Берды воспринимает все совершенно пассивно, он не собирается защищаться, будучи уверен, что ему оправдать себя невозможно, и хочет уехать из деревни. Зачем все это рассказано? Если для характеристики отрицательных героев, то характеристика эта слишком прямолинейна. А положительного героя событие показывает в негодном свете, что вряд ли вошло в задачу автора.

Еще менее противником Берды является председатель колхоза, который перестраивается с чрезвычайной быстротой. Председатели колхозов не могут похвалиться, что их должность обходится писателями. Но почему-то большинство председателей в литературе, во-первых, отрицательные личности, а главное, чрезвычайно похожи друг на друга: все они пьяты, а в свободное от плановых время нарушают агротехнику и зажимают критику.

Тут снова хочется вспомнить «Осенние дни» Вяйно Илуса, где нарисована чрезвычайно живая, яркая, «своя» фигура председателя колхоза Койдума, который пойдет на любой обман, любое оговаривательство, но не корысти ради, а лишь бы все было спокойно, тихо, лишь бы никто не огорчил, всех примирить. «Зачем вам дуться друг на друга? — успокаивает он противников. — Ай-ай-ай! Дело у вас общее, вам бы надо между собой по-родственному, а вы — соряться! Хорошо ли это, а? Давайте помиримся». Колхозники называют его «христосиком». С легкой руки этого мифотворца в артели творятся дела, которые даже робкая, нерешительная Леа открыто называет преступлением.

В упомянутых книгах есть и другие стороны, другие достоинства и недостатки. Мы же старались выявить лишь главное направление — сумел ли писатель передать неповторимые, бесконечно разнообразные жизненные подробности, рассказать об интересных характерах и значительных событиях, способных вызвать многих людей, или пошел на поводу у назвавшейся «традиции», расставляя своих бледных героев в наперед заданных местах привычного сюжета.

Остается задать вопрос: в чем же причина этой, к сожалению, нередкой победы схемы? Трафаретный ответ, объясняющий все незнакомой жизни, не очень убедителен. Трудно поверить, чтобы Б. Сейтаков, не один год интересующийся жизнью туркменских колхозников, плохо знал ее. Не вернее ли будет сказать, что схематизм, наряду с «теорией» бесконфликтности, лажировкой, помпезностью, есть во многом анализ замедленного прорыва? Случилось — и мы все это помним. — что такое-нибудь произведение, иногда действительно очень хорошее, вдруг начинало служить эталоном. В итоге сюжетная схема расхваленной книги превращалась для некоторых писателей и редакторов в обязательный репетит. К сожалению, применение однообразных схем, как мы видим, все еще продолжается. Литературные болезни, оказывается, не так-то просто излечиваются...

ДИПЛОМ ЗАЩИЩЕН В МОСКВЕ

С каждым годом растет число зарубежных поклонников Советской балетной школы, «Плама Парина», «Лавренсия», «Вадимирский фонтан», «Ромео и Джульетта», «Слезы в Бухаресте», «София», «Варшава», «Будапешт». А за последние время появились на сценах зарубежных театров и новые балетные спектакли, созданные хореографами, получившими специальное образование в Советской школе балета. Одна из таких постановок недавно обсуждалась в Государственном институте театрального искусства имени А. С. Пушкина. В дипломной работе выпускника балетмейстерского отделения румынского театра в Бухаресте первый национальный румынский музыкально-хореографический спектакль «Гайдуки» («Миху и Иоанна»), подготовленный в институте под руководством доцента А. Шатина. Спектакль посвящен борьбе против турецкого владычества, причем в основу либретто положены народные легенды о двух героях этого движения. Музыка написала румынский композитор Хильда Жеря. Музыкальная запись и фотоснимки постановки, музыкальные записи и фотоснимки спектакля, рецензии на бухарестских мурналах и газет, в которых дан подробный разбор постановки, имеют большое значение для развития румынского хореографического искусства.

«Гайдуки» пойдут и на советской сцене — В. Марку приглашен поставить этот балет в Улан-Уде.

Экспертная комиссия признала работу В. Марку отличной и вынесла решение присвоить ему звание режиссера-балетмейстера, выдать диплом Государственного института театрального искусства имени А. С. Пушкина.

Василе Марку только один из зарубежных поклонников балетной школы в Советском Союзе будет защищать дипломную работу его соотечественница Марлена Максимилан.

Тринадцать балетмейстеров, питомцев ГИТИСа, работают сегодня у себя на родине в Болгарии, Польше, Румынии, Чехословакии, Венгрии, Албании, Корее. Одновременно с Василе Марку дебютировал у себя на родине его одноклассник в Советском Союзе — Александр Соколов. За годы учения он написал либретто и подготовил постановочный план спектакля на национальную болгарскую тему — «Громда» (по поэме Ивана Вазова).

Несколько лет назад окончила ГИТИС лауреатка Димитровской премии Нина Кирилоскава. Она ставит в Праге дипломный спектакль «Июниши», посвященный народному слою герою, и понамет его в Москве, на Всемирном фестивале молодежи и студентов в исполнении Чехословацкой государственной ансамбля песни и танца.

З. ВОИТИНСКАЯ

На левом снимке: после защиты диплома (слева направо) — А. Шатин, студент К. Панайот (Албания) и Василе Марку. Справа — фотография дипломного спектакля.

Фото А. Лапина

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

НЕДЕЛЯ ДЕТСКОЙ КНИГИ
С 24 марта по всей стране будет проведена традиционная Неделя детской книги. Секретариат управления Союза писателей СССР в связи с этим рекомендовал всем писательским организациям принять самое активное участие в литературных утренниках и вечерах, читательских конференциях и т. д. Во время школьных каникул будет организовано широкое выступление писателей в детских аудиториях.

ВЕЧЕР ПОЭТОВ
В Москве, в Доме культуры строителей МГУ, состоялся вечер поэтов четырех литературных объединений Москвы и Московской области. На вечере выступили около тридцати молодых авторов — рабочие-строители, железнодорожники, студенты, служащие. Поэты договорились провести такие вечера на всех предприятиях, где работают члены этих литературных объединений.

РАБОТА С МОЛОДЫМИ
Президиум Союза писателей Казахстана решил проводить республиканские совещания молодых литераторов раз в два года, а межобластные — ежегодно. Члены президиума и правления Союза писателей взяли шефство над областными литературными объединениями.

ОБСУЖДЕНИЕ ЖУРНАЛА
Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории организовал обсуждение журнала «Оничко» («Вперёд»). Доклады о разделах поэзии, прозы и драматургии сделал критик С. Ибатов, кандидат филологических наук С. Черных и М. Георгина. В обсуждении приняли участие марийские литераторы и читатели.

По постановлению секретариата управления Союза писателей СССР создана комиссия по литературному наследию писателя Александра Ивановича Завалишина (председатель комиссии — А. Успенский). Президиум Московского отделения Союза писателей СССР образовал комиссию по литературному наследию Алексея Ивановича Колосова (председатель — И. Рябов).

НОВЫЕ КНИГИ

Асанов Н. Электрический остров. Роман. «Советский писатель», 391 стр. Цена 7 руб. Белов В. Полоса холода. Повесть. Хабаровское книжное издательство, 200 стр. Цена 4 руб. 95 коп.
Бражкин И. Друзья встречаются. Роман. Давление книжное издательство, 318 стр. Цена 6 руб.
Васильев С. Портрет партизана. Трилогия. Воениздат, 146 стр. Цена 4 руб. 20 коп.
Васильев С. С. Период. Повесть. Издательство украинского А. Дейча и И. Дорбя. Гослитиздат, 480 стр. Цена 8 руб. 75 коп.
Виноградов А. Черный конус. Историческая повесть. В 3-х ч. Гослитиздат, 387 стр. Цена 7 руб.
Виноградов А. Военная лирика. Воениздат, 108 стр. Цена 2 руб. 15 коп.
Гаточ А. Висок Бетел. Стихи. «Советский писатель», 124 стр. Цена 1 руб. 90 коп.
Глоуз М. В огне. Роман. Красноярское книжное издательство, 520 стр. Цена 10 руб. 50 коп.
Горбунов Г. Наши знакомые. Повесть. Ивановское книжное издательство, 124 стр. Цена 3 руб.
Дельвардана Б. Набранное. Перевод с румынского. Гослитиздат, 295 стр. Цена 6 руб. 50 коп.
Заря над Эльбрусом. Кабардинские повести и рассказы. Авторские переводы. «Молодая гвардия», 405 стр. Цена 7 руб. 70 коп.
Карасев А. В краю дубрав. Стихи. Славянское книжное издательство, 72 стр. Цена 2 руб.
Корнев Н. Так начинается лето. Курское книжное издательство, 120 стр. Цена 2 руб. 80 коп.
Косенко Г. Эбессий. Повесть о Габриэле и Анни. Перевод с древнегреческого. С. Полыновской и И. Федосюковой. Гослитиздат, 78 стр. Цена 2 руб.
Лобачев М. Ольга Викторовна. Сталинградское книжное издательство, 294 стр. Цена 6 руб. 25 коп.
Маслов И. След человека. Повести и рассказы. «Советский писатель», 513 стр. Цена 7 руб. 80 коп.
Маслов И. Тайна одного штепеля. Повесть. Харьковское областное издательство, 178 стр. Цена 4 руб. 25 коп.
Назарова Т. Первые шаги. Роман. Алматы. Казахское государственное литературное издательство, 489 стр. Цена 9 руб. 80 коп.
Павленко П. Дорогой славы. Историческое произведение. Воениздат, 380 стр. Цена 10 руб. 50 коп.
Панова В. Сержа. Несколько историй из жизни очень маленького мальчика. «Советский писатель», 92 стр. Цена 2 руб. 40 коп.
Рихтер З. Первые десятилетия. Задания и задания. «Советский писатель», 503 стр. Цена 8 руб.
Севидиум М. Марийская проза. Полярный. Марийское книжное издательство, 275 стр. Цена 5 руб. 95 коп.
Фролов М. Зрелость. Стихи. Сталинское областное издательство, 103 стр. Цена 2 руб. 70 коп.
Хаваня П. Повести и рассказы. Перевод с финского. Издательство иностранной литературы, 274 стр. Цена 7 руб. 40 коп.
Шолом-Алейхим. С. Ямария. Рассказы. Перевод с еврейского. Гослитиздат, 691 стр. Цена 10 руб. 50 коп.
Шолохов М. Собрание сочинений. В 8-ми томах. Гослитиздат. Т. I. 350 стр. Цена 9 руб. Т. II. 414 стр. Цена 9 руб. Т. III. 407 стр. Цена 9 руб.

Первый шаг сделан

До войны в Абхазии было издано пять номеров литературного альманаха на русском языке. С тех пор в абхазской литературе открыты таланты писателей старшего поколения, разнурившие молодые силы. Выход после длительного перерыва альманаха «Литературная Абхазия» — естественный результат роста литературы, значительное событие в культурной жизни республики: писатели, пишущие на абхазском, русском, грузинском языках, получили еще один главный орган, круг их читателей расширился.

В тематическом и жанровом отношении первая книжка «Литературной Абхазии» разнообразна. В ней помещено много стихотворений, поэма, рассказы, очерки, отрывки из романа, пьеса, народные сказки, критические статьи и рецензии, хроника литературной жизни, — словом, почти все разделы солидного литературного издания, кроме публицистики.

Закономерно, что пошла открываются произведениями Д. Гулиа — народного поэта Абхазии, любимого читателями всех национальностей. Его стихотворения «Ленин», «Наша сила» и «Счастье» наполнены страстным патристическим чувством и высоким философским раздумьем. Стихотворения Ф. Исхандера, особенно «Навказская осень» и «Пастух», согреты любовью к человеку труда. Привлекает внимание читателя и стихотворения А. Ласурина, Ш. Аюбия, Ш. Чкадуа.

Горчо говорит о силе настоящей дружбы и братства смелых и отзывчивых людей поэт И. Тарба. Его поэма «На суд товарищей», уже знакомая русским читателям по публикации в «Дружбе народов», проиняута активным, гражданским восприятием жизни, теплым и требовательным отношением к людям.

Мы с другом честно разделили готовый хлеб и славу, порох и ночлег. Не крепко друг без каменной основы, И без друзей не крепко человек. Он без друзей — как дерево в пустыне, Ему весны не радостен приход. Боюсь глядеть в лицо небесной сини, Он больше существует, чем живет.

Перевод Я. Козловского

Во второй части поэмы разоблачаются люди-уроды. Здесь сильные смеются и гневные филиппики против бюрократизма, против перестраховочности и приспособленчества. Но автор, по-моему, слишком увлекается в таком же патристическом тоне пишет о мелких людях, заслуживающих скорее язвительных насмешки и презрения. Таков, к примеру, человек, сменивший профессию учителя на доходящее место продавца пива. Разве тут нужна патетика?

В романе И. Папаскири «Женская честь» повествуется о духовном развитии абхазской девушки-колхозницы Санды. Сложен ее путь, много препятствий притогнала ей жизнь, но Санда вырастает в активного, сознательного члена

нашего общества. По напечатанным в альманахе отрывкам трудно, конечно, судить обо всем произведении в целом. Однако и из них отчетливо заявляют о себе изначальная ясность и определенность замечательности в развитии действия. В отрывках говорится о событиях, относящихся к 1932 году, но автор не нашел и не передал оцитуемых, выразительных примет того времени.

Комедия Ш. Пачалиа «Гунда» имеет очень много сестер-близнецов. В центре пьесы — борьба между настоящими и мнимыми друзьями за колхозного бригадира Заура, зазнавшегося Героя Социалистического Труда. Эта пьеса «большая» схематизмом образов, легкостью победы хороших героев над героями плохими во всех отношениях, — словом, теми же болезнями, что и многие другие пьесы на то же семейство.

Разнообразен раздел критики «Литературной Абхазии». Обязательные статьи Х. Вржаба и К. Зелинского «Мир поэта» — о творчестве Д. Гулиа — и Ш. Инал-Ипа «Заметки об абхазской художественной прозе» знакомят читателей с процессом развития абхазской литературы.

В статье Ш. Инал-Ипа нельзя не отметить непонятную ошибку. Автор пишет: «Бледная и невыразительная небольшая повесть М. Папаскири «Гордость». Почему-то все колхозники, изображенные в ней, имеют дело с одинаково старинными орудиями труда... Даже удобнейший разноцветный олоплатящий плечом из «калалата», то есть самодельных вольтовых отсталых людей. Известный шаг вперед, по нашему мнению, является повесть М. Папаскири «Письмо Маничи», переведенная на русский язык и изданная в Москве в 1955 году». Между тем М. Папаскири — автор только одной повести — «Письмо Маничи». До выхода в свет отдельным изданием на абхазском и русском языках она была напечатана в отрывках под названием «Гордость». Таким образом, Ш. Инал-Ипа дал различные оценки одному и тому же произведению.

Вообще этой книге и ее автору, как говорится, «не повезло». Действие повести разворачивается в конце сороковых и в самом начале пятидесятых годов. А критик А. Абдулов, выступивший в альманахе с рецензией на «Письмо Маничи», предъявляет требование: «Для того, чтобы хорошо разбираться в том, что характеризует жизнь сегодняшней деревни, литературу следует с ее стороны изучить. Это требование с новой силой прозвучало в трибуны XX съезда КПСС. К сожалению, в повести М. Папаскири не видно и попытки вдумчиво ориентироваться в явлениях нынешней сельской действительности».

Первый шаг всегда труден. Этот первый шаг уже сделан. Пожелаем новому абхазскому альманаху быстрого роста, закрепления первых успехов.

В. ПАНКИНА

— Калофер — хайдукское село!
Из всех необыкновенных прав, дарованных султаном Мурадом новому горному селу, особенно поразительным для детского воображения Христо и Симо было четвертое. На вьезде из Пловдива в Калофер есть старинная кула «Стража», и на вьезде в Казанлык — другая, «Крыстеи». Через какую бы из этих двух застав ни захотел турок войти в город, он, подобно древнему султанскому послу, должен был слезть с лошади, расковать ее и, отдав кому-нибудь из калоферцев свое ружье, вступить в город пешком и безоружным...

Волшебные сказки эти наполняли гордой радостью душу Христо, и она трепетала от восторга. Живая нитка тянулась от прошлого к настоящему, тянулась через пропасть столетий. Некогда грозный хайдук Калофер принудил самого султана уступить и жертвовать. А Цоко с трудом выпрашивает у терепшихся калоферцев жалкую подачку. Худой! Ах, худой! Слезы готовы брызнуть из горячих глаз Христо. Однако живая нить не рвется. И уходящий из Калофера Цоко шепчет мальчику вдохновенные, святые слова:

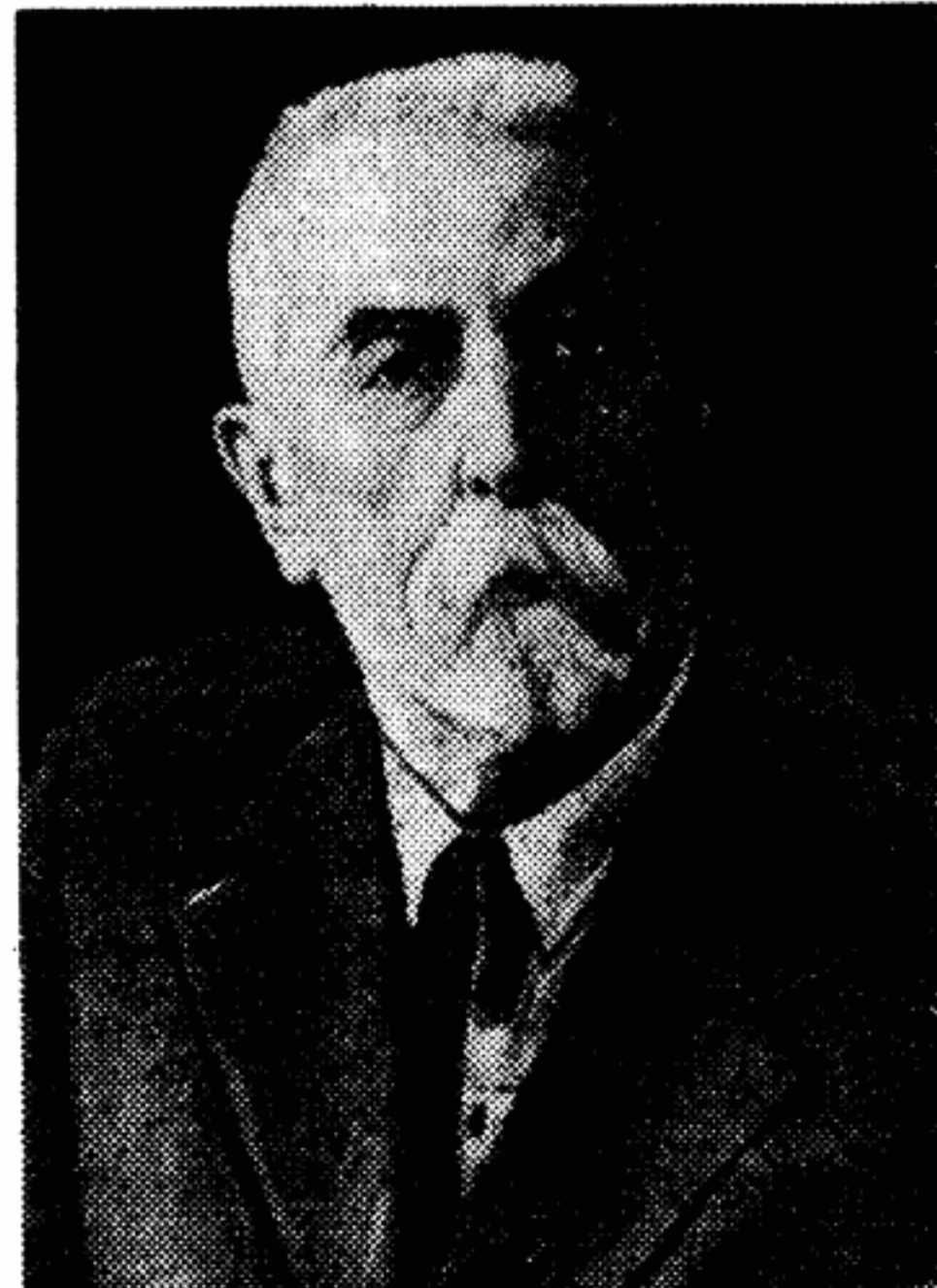
— Мы от бога посланы помогать беднякам и наказывать злочинцев. А коль так, надлежит нам быть честными, правдолюбивыми и блисти чистоту сердцем...

Христо мечтал: уйдет на Стара-Планину, — в горы, то мрачные и голые, то густо покрытые рощами непролазными лесов, — уйдет к хайдуктам и будет жить с ними, нападать на казенную почту, на сборщиков податей, на караваны богатых купцов; что ни день, будет напоминать туркам: нет, не умерли еще в болгарском народе ни боевой дух свободы, ни ненависть к своим угнетателям. И лишь долго спустя, когда имя славного хайдукского вождя Христо станет ведомо всей Европе, отправится в Россию и поднимет ее на турчина. И так, Христо желал стать хайдуком.

Не было больше игр кроме одной. С той поры, как Христо начал учиться в классной школе, — товарищеский верный, спорный стало у него хоть отбавляй. Один Симо Митев, брат юных хайдутов, живого и мертвого, что за юнак! И все поддавались настроению Христо, являлись в горы. Местом сбора была поляна за церковью. Здесь, удаляясь наверх, связывали орудия деревянных сабли. Симо развешивал бумажные знамя и хайдутийские клыки над крестом:

— Кто из нас нарушит эту святыню присягу и не послушает Христо-вождя, пусть поразит того гром в Ильин день. Пусть зантия выбьет ему глаза и скажут: «Гаур, трус, заглянь шура!» Пусть он, по божему попущению, кончит век свой на виселице. Такому — собачья смерть. Аминь!

14 марта скончался на 90-м году жизни старейший советский русский писатель Николай Дмитриевич Телешов.

Н. Д. Телешов родился в Москве в 1867 году. Рано начал заниматься литературным трудом. Он в 1884 году опубликовал свое первое юное стихотворение в журнале «Радуга».

Уже в конце XIX века Н. Д. Телешов выдвинулся в ряды передовых представителей нашей отечественной литературы. Организованный им в 1898 году литературный кружок «Среда» постоянно посещали Горький, Серафимович, Вересаев, Леонид Андреев и многие другие выдающиеся русские писатели.

Итогом многолетней плодотворной литературной деятельности Н. Д. Телешова является большой труд «Записки писателя», ярко и талантливо отражающий историю русской общественной жизни конца XIX — XX века.

За выдающиеся заслуги в области литературы и искусства Н. Д. Телешову было присуждено звание заслуженного деятеля искусств. Он был награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени.

Память о прекрасном писателе и чудесном человеке Н. Д. Телешове будет всегда жить в наших сердцах.

Правление Союза писателей СССР. Правление Московского отделения Союза писателей СССР

Наш старейший писатель и друг. Николай Дмитриевич Телешов пронес на своих девяностолетних плечах все то лучшее, что есть в классических традициях русской литературы.

Основателем прославленной литературной «Среды», друга Чехова, М. Горького, Леонида Андреева, Шалыгина, Серафимовича и многих других славных деятелей, Телешов всегда был в центре писательской общественной жизни во всех начинаниях.

Правление Союза писателей СССР и правление Московского отделения Союза писателей с глубоким присорбанием извещают о смерти после продолжительной болезни на 90-м году жизни старейшего русского писателя, заслуженного деятеля искусства

Телешова Николая Дмитриевича и выражают свое соболезнование семье покойного.

Для прочтения с покойным доступ к гробу будет открыт с 10 часов утра до 1 часа дня 16 марта в Центральном Доме литераторов (ул. Воровского, д. 50). Гражданская панихида в 1 час дня 16 марта. Премия в 2 часа дня.

Общество, да не то. Торопливый читатель, скользнув взглядом по сообщению, напечатанному недавно в газетной колонке «Диалект», мог бы воскликнуть удивленно и радостно: «В ФРГ организовано общество сближения с Китаем! Давно пора!»

Но тут же, вчитавшись внимательнее в газетный текст, он, наверняка, раздраженно махнул бы рукой. Из сообщения «Диалект» явствует, что речь идет об обществе сближения не с Пекином, а с Формозой.

А для того, чтобы подчеркнуть всю серьезность начинания, на пост почетного председателя западногерманского общества воздвигли военное преступника, бывшего генерала 79-летнего фон Фалькенгаузена.

А для того, чтобы подчеркнуть всю серьезность начинания, на пост почетного председателя западногерманского общества воздвигли военное преступника, бывшего генерала 79-летнего фон Фалькенгаузена.

А для того, чтобы подчеркнуть всю серьезность начинания, на пост почетного председателя западногерманского общества воздвигли военное преступника, бывшего генерала 79-летнего фон Фалькенгаузена.

А для того, чтобы подчеркнуть всю серьезность начинания, на пост почетного председателя западногерманского общества воздвигли военное преступника, бывшего генерала 79-летнего фон Фалькенгаузена.

А для того, чтобы подчеркнуть всю серьезность начинания, на пост почетного председателя западногерманского общества воздвигли военное преступника, бывшего генерала 79-летнего фон Фалькенгаузена.

А для того, чтобы подчеркнуть всю серьезность начинания, на пост почетного председателя западногерманского общества воздвигли военное преступника, бывшего генерала 79-летнего фон Фалькенгаузена.

СМЕЛЫЙ АМЕРИКАНЕЦ

Известный американский драматург Элмер Райс в своей пьесе «Счетная машина», написанной им еще в 1923 году, следующим образом ярко охарактеризовал систему народного образования в США.

Эти правдивые, хотя и горькие слова глубоко запали в сознание молодого талантливого американского педагога Пауля Ричера, который недавно успешно окончил университет штата Айова с дипломом бакалавра искусств.

Еще с детских лет Пауль Ричер страстно мечтал стать учителем. Изучая педагогическую науку в университете, он критически воспринимал консервативные прописные истины своих профессоров.

Но Ричер отличался необычайной в условиях США смелостью. Поэтому он не пошел по легкой, проторенной дорожке. Уже через несколько месяцев после начала его работы в школе городка Райсвилл местное подразделение фашистского Американского легиона, все духовенство, члены школьного совета, некоторые из его коллег и часть родителей потребовали отстранить от работы в школе молодого педагога.

Чем возмущенный против себя «общественное мнение» городка молодой учитель? Оказывается, желая привить своим ученикам способность самостоятельно мыслить и разбираться в проблемах современной жизни, Ричер по своей инициативе внес некоторые изменения в учебную программу.

Забегая вперед скажем несколько слов о содержании программы. В ней были включены английским языком и литературой, а также в программу чтения и разбор нескольких доступных детям мысленно пьес Шекспира.

А в условиях современных Соединенных Штатов это уже был грех совершенно непристойный! Итак — Шекспир, атеизм, история коммунистического учения, не говоря о том, что Ричер рассказывал все своим ученикам об экономических и социальных причинах детской преступности в США.

Итак — Шекспир, атеизм, история коммунистического учения, не говоря о том, что Ричер рассказывал все своим ученикам об экономических и социальных причинах детской преступности в США.

Итак — Шекспир, атеизм, история коммунистического учения, не говоря о том, что Ричер рассказывал все своим ученикам об экономических и социальных причинах детской преступности в США.

Итак — Шекспир, атеизм, история коммунистического учения, не говоря о том, что Ричер рассказывал все своим ученикам об экономических и социальных причинах детской преступности в США.

Итак — Шекспир, атеизм, история коммунистического учения, не говоря о том, что Ричер рассказывал все своим ученикам об экономических и социальных причинах детской преступности в США.

Итак — Шекспир, атеизм, история коммунистического учения, не говоря о том, что Ричер рассказывал все своим ученикам об экономических и социальных причинах детской преступности в США.

Итак — Шекспир, атеизм, история коммунистического учения, не говоря о том, что Ричер рассказывал все своим ученикам об экономических и социальных причинах детской преступности в США.

Итак — Шекспир, атеизм, история коммунистического учения, не говоря о том, что Ричер рассказывал все своим ученикам об экономических и социальных причинах детской преступности в США.

Итак — Шекспир, атеизм, история коммунистического учения, не говоря о том, что Ричер рассказывал все своим ученикам об экономических и социальных причинах детской преступности в США.

Вопреки решению Организации Объединенных Наций, высказавшейся за мирное, демократическое и справедливое решение алжирского вопроса, в Алжире продолжается террор и в отношении французских правительственных учреждений.

В течение короткого времени в 1919 году, за последние 133 дней Венгерской республики, Петефи снова стал тем, кем он был в действительности: поэтом революции, поэтом братской дружбы свободных народов.

В течение короткого времени в 1919 году, за последние 133 дней Венгерской республики, Петефи снова стал тем, кем он был в действительности: поэтом революции, поэтом братской дружбы свободных народов.

В течение короткого времени в 1919 году, за последние 133 дней Венгерской республики, Петефи снова стал тем, кем он был в действительности: поэтом революции, поэтом братской дружбы свободных народов.

В течение короткого времени в 1919 году, за последние 133 дней Венгерской республики, Петефи снова стал тем, кем он был в действительности: поэтом революции, поэтом братской дружбы свободных народов.

В течение короткого времени в 1919 году, за последние 133 дней Венгерской республики, Петефи снова стал тем, кем он был в действительности: поэтом революции, поэтом братской дружбы свободных народов.

В течение короткого времени в 1919 году, за последние 133 дней Венгерской республики, Петефи снова стал тем, кем он был в действительности: поэтом революции, поэтом братской дружбы свободных народов.

В течение короткого времени в 1919 году, за последние 133 дней Венгерской республики, Петефи снова стал тем, кем он был в действительности: поэтом революции, поэтом братской дружбы свободных народов.

В течение короткого времени в 1919 году, за последние 133 дней Венгерской республики, Петефи снова стал тем, кем он был в действительности: поэтом революции, поэтом братской дружбы свободных народов.

В течение короткого времени в 1919 году, за последние 133 дней Венгерской республики, Петефи снова стал тем, кем он был в действительности: поэтом революции, поэтом братской дружбы свободных народов.

В течение короткого времени в 1919 году, за последние 133 дней Венгерской республики, Петефи снова стал тем, кем он был в действительности: поэтом революции, поэтом братской дружбы свободных народов.

В течение короткого времени в 1919 году, за последние 133 дней Венгерской республики, Петефи снова стал тем, кем он был в действительности: поэтом революции, поэтом братской дружбы свободных народов.

В течение короткого времени в 1919 году, за последние 133 дней Венгерской республики, Петефи снова стал тем, кем он был в действительности: поэтом революции, поэтом братской дружбы свободных народов.

В течение короткого времени в 1919 году, за последние 133 дней Венгерской республики, Петефи снова стал тем, кем он был в действительности: поэтом революции, поэтом братской дружбы свободных народов.

В течение короткого времени в 1919 году, за последние 133 дней Венгерской республики, Петефи снова стал тем, кем он был в действительности: поэтом революции, поэтом братской дружбы свободных народов.

ТРАДИЦИИ ПЕТЕФИ

Бела ИЛЛЕШ, венгерский писатель

Шандор Петефи, величайший поэт Венгрии и один из крупнейших поэтов мировой литературы, был вместе с тем одним из самых героических, самых последовательных революционеров XIX века.

Недолгая жизнь Петефи — это жизнь борьбы. Он принадлежал к числу тех людей своего времени, чье отношение к феодальному строю, господству Габсбургов и реакции в любом ее проявлении ни на одну минуту не подлежало сомнению.

Смерть Петефи и подавление венгерской революции 1848 — 1849 гг. почти совпадают по времени. С момента гибели поэта до того, как повстанцы сложили оружие при Виллагоше, прошло всего лишь две недели, это были недели агонии революции.

Восстание первой мировой войны венгерские рабочие и крестьяне много видели и много научились. Героическая борьба и трагическое поражение Венгерской пролетарской революции, беспощадность контрреволюции послужили для них большим уроком.

После освобождения Венгрии Армией венгерского народа от гитлеровского фашизма и террора венгерских нацистов пришло время осуществления идеалов Петефи, много лет хранившихся в сердцах трудящихся Венгрии.

В десятилетия, прошедшие с момента заключения компромисса (1867 г.) до начала первой мировой войны, понятие о патриотизме в венгерском обществе претерпело немалые изменения.

В десятилетия, прошедшие с момента заключения компромисса (1867 г.) до начала первой мировой войны, понятие о патриотизме в венгерском обществе претерпело немалые изменения.

В десятилетия, прошедшие с момента заключения компромисса (1867 г.) до начала первой мировой войны, понятие о патриотизме в венгерском обществе претерпело немалые изменения.

В десятилетия, прошедшие с момента заключения компромисса (1867 г.) до начала первой мировой войны, понятие о патриотизме в венгерском обществе претерпело немалые изменения.

В десятилетия, прошедшие с момента заключения компромисса (1867 г.) до начала первой мировой войны, понятие о патриотизме в венгерском обществе претерпело немалые изменения.

В десятилетия, прошедшие с момента заключения компромисса (1867 г.) до начала первой мировой войны, понятие о патриотизме в венгерском обществе претерпело немалые изменения.

В десятилетия, прошедшие с момента заключения компромисса (1867 г.) до начала первой мировой войны, понятие о патриотизме в венгерском обществе претерпело немалые изменения.

В десятилетия, прошедшие с момента заключения компромисса (1867 г.) до начала первой мировой войны, понятие о патриотизме в венгерском обществе претерпело немалые изменения.

«Марш голодных, год 1957»

Так озаглавлена статья, опубликованная недавно в английской газете «Дейли геральд». По улицам Лондона движется унылая процессия.

«Породной сцене» — пишет автор статьи — позорной для столицы так называемого процветающего государства, не было с тридцатых годов. Что и говорить, картина и впрямь позорная.

Призраки «голодных маршей» 30-х годов витает над страной. Вот ряд унылых симптомов. Растет стоимость жизни, уменьшаются реальные заработная плата.

Стревожат ждут англичане предстоящей встречи на Бермудских островах британского премьер-министра Макмиллана и президента США Эйзенхауэра.

Вот что, Золушка! Мы едем кататься на автомобиле и весело проводить время, пока ты будешь ожидать фею...

А вы уверены, что там не платят подоходного налога?

А вы уверены, что там не платят подоходного налога?

А вы уверены, что там не платят подоходного налога?

А вы уверены, что там не платят подоходного налога?

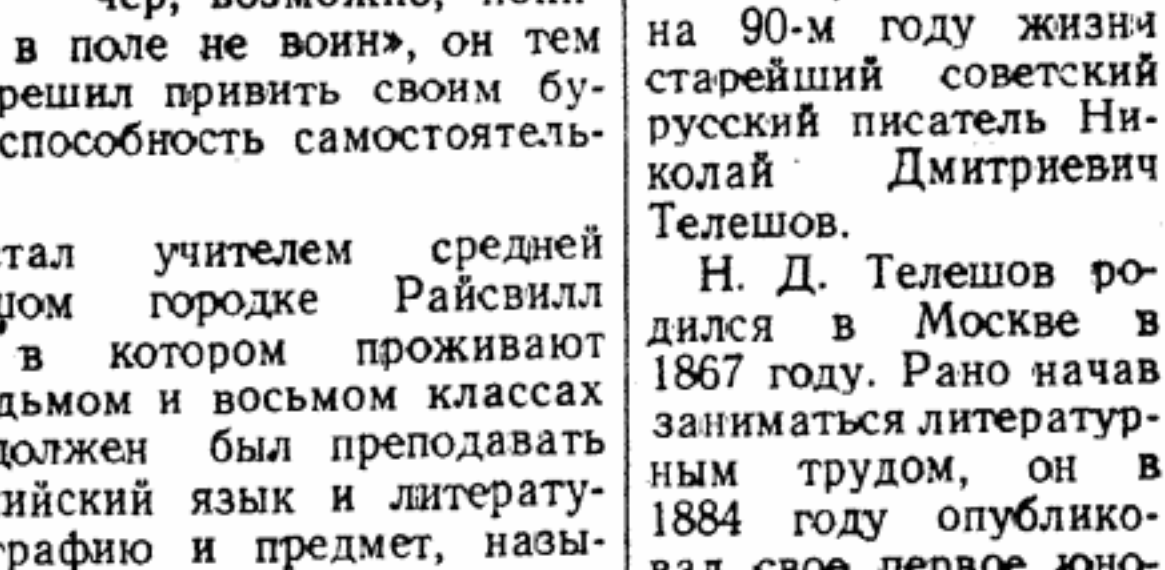
А вы уверены, что там не платят подоходного налога?

А вы уверены, что там не платят подоходного налога?

А вы уверены, что там не платят подоходного налога?

А вы уверены, что там не платят подоходного налога?

ЦЕНЫ ПРИБИЛИ

Вот что, Золушка! Мы едем кататься на автомобиле и весело проводить время, пока ты будешь ожидать фею...

А вы уверены, что там не платят подоходного налога?

А вы уверены, что там не платят подоходного налога?

А вы уверены, что там не платят подоходного налога?

А вы уверены, что там не платят подоходного налога?

А вы уверены, что там не платят подоходного налога?

А вы уверены, что там не платят подоходного налога?

А вы уверены, что там не платят подоходного налога?

А вы уверены, что там не платят подоходного налога?

А вы уверены, что там не платят подоходного налога?

А вы уверены, что там не платят подоходного налога?

А вы уверены, что там не платят подоходного налога?

А вы уверены, что там не платят подоходного налога?

А вы уверены, что там не платят подоходного налога?

А вы уверены, что там не платят подоходного налога?

СПРАВОЧНОЕ БЮРО ПО ВОПРОСАМ ЭМИГРАЦИИ

А вы уверены, что там не платят подоходного налога?

А вы уверены, что там не платят подоходного налога?

А вы уверены, что там не платят подоходного налога?

А вы уверены, что там не платят подоходного налога?

А вы уверены, что там не платят подоходного налога?

А вы уверены, что там не платят подоходного налога?

А вы уверены, что там не платят подоходного налога?

А вы уверены, что там не платят подоходного налога?

А вы уверены, что там не платят подоходного налога?

А вы уверены, что там не платят подоходного налога?

А вы уверены, что там не платят подоходного налога?

А вы уверены, что там не платят подоходного налога?

А вы уверены, что там не платят подоходного налога?

А вы уверены, что там не платят подоходного налога?

А вы уверены, что там не платят подоходного налога?